

Путь вашей жизни
перевод Я. Березницкого

Путь вашей жизни пройдите так, чтобы жить — чтоб на этом прекрасном пути ни к вам, ни к кому-либо, с кем вы на нем столкнетесь, не прикоснулись ни грязь, ни смерть. Ищите везде добро и, обнаружив, вытаскивайте, как бы глубоко оно ни было скрыто: ему нечего стыдиться и прятаться. Оберегайте и растите даже самые мельчайшие крупы человечности: это то, что противостоит смерти, хоть и само преходяще. Открывайте во всем светлое, чистое, то, что не может быть запятнано. Если в чьем-либо сердце добродетель, преследуемая всеобщим глумленьем, затаилась в испуге и скорби, ободрите ее. Не поддавайтесь поверхностным впечатлениям: они недостойны ясного взора и чистого сердца. Не подчиняйте себя никому, но и себе никого не подчиняйте. Помните: каждый человек—это подобие вас самого. Вина любого — ваша вина, и все невинные делят свою невинность с вами. Презирайте зло и низость, но не людей низких и злых, поймите это. Не стыдитесь быть добрым и нежным, но если когда-нибудь на пути вашей жизни наступит черед убивать—убивайте и не раскаивайтесь. Путь вашей жизни пройдите так, чтобы жить—чтоб на этом чудесном пути не увеличивать страданья и горести мира, но улыбкой приветствовать его безграничную радость и тайну.

Действующие лица

Джо — молодой бездельник с деньгами и добрым сердцем.

Том — его поклонник, ученик, мальчик на побегушках, пошмище и друг.

Китти Дюваль — молодая женщина с воспоминаниями.

Ник—владелец портового кабака, именуемого «Салун, Ресторан и Увеселительное заведение Ника».

Араб — восточный философ и игрок на губной гармонике.

Кит Карсон — участник давних войн с индейцами. (1809—1868)—знаменитый охотник и следопыт, позднее бригадный генерал; герой многочисленных устных народных рассказов и легенд.

Маккарти — умный и начитанный докер.

Крапп — его друг детства, полисмен в порту. Ненавидит свою работу, но не знает, чем другим заняться.

Гарри — прирожденный чечеточник. Хочет, но не может развеселить людей.

Уэсли — юноша-негр. Играет на пианино простенькие и грустные мелодии в стиле буги-вуги.

Дадли — влюбленный молодой человек.

Элси Мандельспигель — сиделка в клинике, предмет его любви.

Лорен Смит — непривлекательная женщина.

Мэри Л. — несчастная и очень красивая дама.

Уилли — фанатик игры в мраморные шарики.

Блик — подлец.

Мать Ника.

Первая проститутка.

Вторая проститутка.

Первый полисмен.

Второй полисмен.

Матрос.

Джентльмен из общества

Леди из общества.

Пьяница.

Мальчик-газетчик.

Анна — дочь Ника.

Место действия — портовый кабачок Ника в Сан-Франциско, на Пасифик-стрит; условно обозначенный гостиничный номер: комната 21, на верхнем этаже гостиницы «Нью-Йорк».

Время действия — октябрь 1939 года, днем и вечером.

Действие первое

Салун Ника — один из приморских кабачков Сан-Франциско, заведение, каких много в Америке.

За одним из столиков — ДЖО, всегда спокойный, всегда уравновешенный, всегда задумчивый, всегда скучающий, всегда готовый ко всему, всегда — хозяин положения. Изысканный костюм носит с юношеской небрежностью; костюм поизносился и придает ему почти мальчишеский вид. Погружен в размышления. За стойкой — НИК, американец итальянского происхождения, высокий, молодой, рыжеволосый. На тыльной части правой руки — громадная красная татуировка, изображающая нагую женщину. Внимательно читает программу скачек.

На своем постоянном месте, у конца стойки, — АРАБ, худой старик с усами, какие носят у него на родине. Подкрученные вверх, они придают его об-

лику некоторую свирепость. Вытатуированный между большим и указательным пальцем левой руки магометанский знак указывает, что он побывал в Мекке. Потягивает пиво из кружки.

Половина двенадцатого утра. Сэм заканчивает подметать, видна только его спина. Он скрывается на кухне. Матрос у стойки допивает свою кружку и уходит в глубоком раздумье, словно пытаясь отыскать смысл жизни.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК (входит. Весело). Доброго утра всем.

Никто не отвечает.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК (Нику). Газету, мистер?

Ник качает головой: нет.

(Подходит к Джо.) Газету, мистер?

Джо качает головой: нет. Мальчик направляется к выходу, пересчитывая газеты.

ДЖО (внезапно). Сколько их у тебя?

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК. Пять.

Джо протягивает мальчику двадцатипятицентовую монету, забирает все газеты, с раздражением проглядывает заголовки, отшвыривает газеты прочь. Мальчик внимательно наблюдает за ним. Уходит.

АРАБ (подбирает газету, смотрит на заголовки, качает головой, как бы опровергая все иное, что может быть сказано об этом мире). Нет устоев. Все идет прахом.

Входит пьяница. Подходит к телефону-автомату, ищет, не осталось ли случайно монетки в выбрасывателе. Присаживается к столику ДЖО. Ник выводит пьяницу. Пьяница возвращается.

ПЬЯНИЦА (поборник гражданских прав). И это— страна свободы?

В открывающуюся на обе стороны дверь влетает УИЛЛИ. Шутовским жестом поднимает указательный палец правой руки, что обозначает одну кружку. Он молод, не старше двадцати. На нем тяжелые башмаки, старые и грязные плисовые брюки, светло-зеленый свитер с большой буквой «F» на груди, застегивающийся на две пуговицы ворсистый пиджак, который ему явно велик, и зеленая шляпа с загнутыми вверх полями. Ник подает кружку пива, он выпивает ее, с силой распрямляется, выдохнув при этом «а-а-а», с напыщенно важной гримасой делает Нику одним пальцем

прощальный салют, после чего направляется к выходу, освежившийся и воспрянувший духом. Проходит мимо автомата для игры в шарик, внезапно застывает на месте, оборачивается, пристально глядит на это чудо техники, делает жест, как бы говорящий — ни за что! Поворачивается к двери, останавливается, возвращается к автомату, рассматривает его, выгребает из кармана штанов пригоршню мелочи, отбирает монету, словно желая сказать — сыграю разок, не больше. Опускает монету в щель, нажимает на рычажок, заинтересованно прислушивается к своеобразному шуму, который издает при этом машина.

НИК. Эту машину тебе нипочем не обыграть.

УИЛЛИ. Посмотрим.

Шарик выкатывается и занимает свое место. Уилли снова нажимает рычажок, устанавливая один из шариков в исходную позицию. Глубоко вздохнув, он почти отрешается от мира, возбужденный предвкушением великой драмы. Выпрямившийся и торжественно-суровый, стоит он перед началом состязания. Сейчас Он схватится с Машиной, Уилли вступит в единоборство с Роком, его отвага и ловкость померяются силой с хитростью и коварством американской индустрия диковинок и воем бросающим ему вызов миром. Он последний из американских пионеров, и сразиться ему не с кем, кроме автомата, и награды он не получит никакой, разве что зажжется и погаснет несколько лампочек да выдадут ему шесть пятицентовых монет вместо опущенной им одной. Перед ним — торжествующий чемпион — Автомат. А он, Уилли,— последний из тех, кто хочет потягаться с машиной за это звание, молодой человек, которому нечем заняться в этом мире. Уилли осторожно берет за рычажок, внимательно оценивает ситуацию, оттягивает рычаг, какое-то мгновение держит его и затем отпускает. Первый шарик катится среди препятствий навстречу неизвестности — схватка началась. Все это время из проигрывателя слышны были звуки вальса «Миссури». Музыка заканчивается.

Это сигнал к началу действия.

Джо внезапно пробуждается от своей задумчивости. Он свистит, как это делают, желая подо-

звать издалека такси, только не так громко. Уилли оборачивается, но Джо жестом велит ему продолжать заниматься своим делом. Ник поднимает глаза от программки.

ДЖО (зовет). Том. (Про себя.) Куда он, к дьяволу, пропадает каждый раз, когда нужен мне? *(Неторопливо обводит взглядом помещение: проигрыватель в углу, телефон-автомат на стене, сценические подмости, игорный автомат, стойка и так далее. Снова зовет, на этот раз очень громко.)* Эй, Том!

НИК (с утра не в духе). Что вам нужно?

ДЖО (не думая). Мне нужно послать Тома за арбузом. Вот что мне нужно. А что нужно вам? Денег, любви, славы — чего? Ничего этого вы не найдете в программе для скачек.

НИК. Надо же мне знать, что к чему.

Поспешно входит ТОМ. Это высокий, крупный мужчина лет тридцати, однако выглядит он значительно моложе. Причиной этому — что-то детское в выражении его лица, красивого, глуповатого, наивного, встревоженного и слегка всем озадаченного. По годам это человек взрослый, но ощущение такое, словно его с полным правом можно все еще считать мальчишкой. Он всегда настороже, как нескладный и мнительный мальчуган-переросток. Одет он в дешевый кричащий костюм. Джо откидывается на стуле и с бесцеремонным неодобрением разглядывает его. Том замедляет шаг, тело его словно наливается свинцом, в замешательстве он ждет нагоняя, который, как он хорошо знает, вот-вот последует.

ДЖО (холодно, бесстрастно, но чуть-чуть забавляясь). Кто спас тебя от смерти?

ТОМ (искренне). Ты, Джо. Спасибо.

ДЖО (заинтересованный). Каким образом?

ТОМ (в замешательстве). Что?

ДЖО (с еще большей заинтересованностью). Каким образом я спас тебя от смерти?

ТОМ. Ты сам знаешь, Джо, каким образом.

ДЖО (кратко). Мне бы хотелось услышать твой ответ. Каким образом я спас тебя от смерти? Я позабыл.

ТОМ (припоминая, с широкой грустной улыбкой). Ты накормил меня куриным бульоном три года назад, когда я был больной и голодный.

ДЖО (восхищенный). Куриным бульоном?

ТОМ (с готовностью). Да.

ДЖО. Три года назад? Неужели так давно?

ТОМ (счастлив дать информацию). Конечно, Джо. Тридцать седьмой, тридцать восьмой, тридцать девятый. Сейчас тридцать девятый год.

ДЖО (забавляясь). Какой сейчас год—не имеет значения. Расскажи мне все подробно.

ТОМ. Ты повел меня к доктору, дал денег на еду и на одежду. Заплатил за комнату. Да ну, Джо, ты сам знаешь все, что ты сделал.

ДЖО (кивает головой. После каждого вопроса отворачивается от Тома). Сейчас ты здоров?

ТОМ. Да, Джо.

ДЖО. Одет?

ТОМ. Да.

ДЖО. Питаешься три раза в день? Иногда четыре?

ТОМ. Да, Джо. Иногда и пять.

ДЖО. Спишь в тепле и под крышей?

ТОМ. Да, Джо.

ДЖО (*еще раз кивнув, умолкает, пристально смотрит на Тома. После паузы*). Так где же ты тогда, черт побери, пропадал?

ТОМ (смиренно). Я ходил на улицу, Джо, послушать, о чем толкуют люди. В порту беспорядки, везде только и разговору что о них.

ДЖО (резко). Ты должен быть под рукой, когда нужен мне.

ТОМ (довольный, что гроза миновала). Ладно, Джо, буду. Там один парень говорит, что только после революции все станет как надо.

ДЖО (с нетерпением). Это мне все известно. На-ка вот деньги, сходи в универмаг. Знаешь, где он находится?

ТОМ. Конечно, Джо.

ДЖО. Прекрасно. Сядешь в лифт и поднимешься на четвертый этаж. Пройдешь в глубину, в отдел игрушек. Купишь мне игрушек на два доллара и принесешь сюда.

ТОМ (изумленный). Игрушек? Каких игрушек, Джо?

ДЖО. Каких угодно. Маленьких, чтоб уместились на этом столике.

ТОМ. Для чего тебе игрушки, Джо?

ДЖО (чуть сердито). Что-о?

ТОМ. Хорошо, хорошо. Только не выходи из себя по пустякам. А что подумают люди, когда увидят, что такой дылда, как я, покупает игрушки?

ДЖО. Какие еще люди?

ТОМ. Эх, Джо, Джо, вечно ты заставляешь меня валять дурака. Краснеть-то ведь приходится мне. Ты только посиживаешь в этой пивнушке, а всю грязную работу сваливаешь на меня.

ДЖО (отводя взгляд в сторону). Делай, что я тебе сказал.

ТОМ. Ладно, только хотелось бы мне знать, к чему все это. (Хочет идти.)

ДЖО. погоди. Вот тебе монетка, пойдй к проигрывателю и опусти ее. В седьмой номер. Я хочу снова послушать этот вальс.

ТОМ. Слава богу, что хоть мне не надо оставаться и слушать его. Что ты только находишь в этой музыке? Мы ее слушаем по десять раз в день. Почему бы нам не послушать номер шесть, или два, или девять? Там целая уйма всяких других номеров.

ДЖО (настойчиво). Опусти монету. (Пауза.) Сядь и подожди, пока не кончится музыка. Потом сходишь и принесешь мне игрушек.

ТОМ. Ладно.

ДЖО (громко). И нечего строить из себя по этому поводу мученика. Подумаешь, важность какая!

Резким, привычно недовольным жестом, который ясней ясного говорит, что он не одобряет эту затею и не находит в ней ни капли удовольствия, Том сует монету в щель. Нетрудно, однако, заметить, что неодобрение это слишком подчеркнуто, чтобы быть искренним. По правде говоря, ему необычайно нравится эта музыка, но она его так смущает и тревожит, что он скрывает это под маской отвращения. Снова слышны звуки вальса «Миссури». Мелодия, исполняемая оркестром, звучит задумчиво и нежно, ведут ее медные инструменты, повторяя опять и опять свою скорбную тему. Не в силах понять, чем эта музыка так привлекает Джо и почему она так болезненно будоражит и смущает его самого, Том поначалу слушает с чувством, близким к раздражению. Но очень скоро он уже весь во власти этой томительно-печальной мелодии, повествующей о людском горе и о тоске по родному дому. Музыка разбудила в нем что-то поэтическое, чувства его в смятении, а он стоит растревоженный и взволнованный всем этим. А Джо безучастен и неподвижен, словно бы и не слышит музыки.

ДЖО (зовет). Ник.

НИК. Да?

ДЖО. Если не возражаете, опустите опять монету в проигрыватель. Номер... *Интересует его — ТОМ. Он оборачивается и глядит на него. Бесшумно входит КИТТИ ДЮВАЛЬ, проживающая рядом, за углом, в одном из номеров гостиницы «Нью-Йорк».*

Медленно идет к стойке. Ее облик, повадка, движения — все в ней с предельной гармоничностью сочетается со все еще звучащей скорбной американской мелодией. Это ее мелодия, так же как мелодия Тома, это мелодия, которая была грубо вырвана у нее жизнью, подсунувшей взамен опустошенность и душевную изломанность. Похоже, она понимает это, и она злится, злится на себя; она полна ненависти к этому жалкому миру, полна сострадания и презрения к его трагическим, неправдоподобным, запутавшимся обитателям. Эта маленькая, крепкая женщина отличается той нежной и прочной красотой, которую не в силах уничтожить никакие превратности жестокой или грязной действительности. Красота эта представляет собой тот элемент бессмертного, который заложен в хороших простых людях и который обязан своей неизбывностью некоторым женским представителям рода человеческого, кем бы они по случайности или бессмысленности ни явились в этот мир, В Китти Дюваль с ее гневной чистотой и яростной гордостью есть что-то поистине значительное. Ее походка и манера держаться полны изящества и надменности. Джо сразу же распознает в ней человека незаурядного.

КИТТИ (подходит к стойке). Пива.

Ник машинально ставит перед ней кружку пива. Она отпивает половину и снова прислушивается к музыке. Том оборачивается, и, когда взгляд его падает на Китти, все на свете, кроме этой женщины, перестает для него существовать. Он стоит, остолбенев от восторга, в почти молитвенном благоговении перед ней.

ДЖО (замечает все это. Вполголоса). Том.

Том начинает продвигаться к стойке, где стоит Китти.

(Громко.) Том.

Том останавливается, оборачивается к Джо, который делает ему знак подойти к столику. Том подходит.

(Спокойно.) Ты все как следует понял?

ТОМ (отрешенный от всего земного). Что?

ДЖО. Что значит «что»? Я дал тебе только что поручение.

ТОМ (с чувством). Чего ты хочешь, Джо?

ДЖО. Хочу, чтобы ты пришел в себя. (Спокойно встает и сбивает с Тома шляпу.)

ТОМ (быстро поднимает ее). Я понял, Джо. Все понял. Универмаг. Четвертый этаж. Отдел игрушек. Игрушек на два доллара. Чтоб уместились на столике.

КИТТИ (вполголоса). Кто он такой, что помыкает таким верзилой?

ДЖО. Я жду тебя через полчаса. Не отвлекайся ничем по пути. Только то, что я велел.

ТОМ (умоляюще). Джо, я хочу сыграть на скачках. Можно я поставлю полдоллара? Там есть одна такая темная лошадка Драгоценное Время. Она обойдет всех на десять корпусов. Мне нужны деньги.

Джо показывает ему на дверь. Том выходит.

НИК (причесывается у зеркала). Вы ведь хотели послать его за арбузом.

ДЖО. Забыл. (Смотрит на Китти, затем — медленно, отчетливо, с неподдельным участием.) О чем ваши грезы?

КИТТИ (двинулась к Джо, приближается к нему). Что?

ДЖО (боясь спугнуть ее мечты). О чем сейчас ваши грезы?

КИТТИ (подходит еще ближе). Какие грезы?

ДЖО. Какие грезы? Те, о которых вы грезите.

НИК. А если бы он принес-таки вам арбуз, что бы вы, черт побери, стали с ним делать?

ДЖО (раздраженно). Положил бы на стол. Глядел бы на него. Затем сожрал. Ну а что, по-вашему, стал бы я с ним делать? Перепродал бы с выгодой?

НИК. Почему мне знать, что стали бы делать с чем-нибудь вы. Меня интересует другое: откуда вы берете деньги? Чем вы занимаетесь?

ДЖО (глядя на Китти, Нику). Принесите нам бутылку шампанского.

КИТТИ. Шампанского?

ДЖО (просто). Вы предпочли бы что-либо другое?

КИТТИ. Это что еще за новости?

ДЖО. Я просто подумал, что вам, вероятно, нравится шампанское. Сам я очень люблю его.

КИТТИ. Хорошо. Но с чего это вам пришло в голову? Издеваться над собой я не позволю.

ДЖО (ласково, но твердо). Проявлять злые чувства не в моей натуре. К острякам я испытываю только презрение. Правда, порой я могу сказать что-нибудь слишком уж очевидное, следовательно, жестокое и, вероятно, несправедливое.

КИТТИ. Смотрите, не подумайте обо мне чего-нибудь такого.

ДЖО (медленно, не глядя на нее). О вас я думаю только с чистотой и почтением. И о вас самих, и о вашем духовном облике.

НИК (внимательно слушавший и не сумевший ничего понять). О чем это вы тут болтаете?

КИТТИ. Заткнитесь! Вы... Вы...

ДЖО. Он — владелец этой пивной. Он важная птица. Какие только люди не приходят к нему в поисках работы. Комедианты, певцы, танцоры.

КИТТИ. А мне плевать. Я не позволю обзывать себя.

НИК. Успокойся, детка. Я знаю, каково бывает по утрам вашей сестре, двухдолларовой шлюхе.

КИТТИ (в ярости). Не смейте обзывать меня! Я была раньше эстрадной артисткой!

НИК. Ты так же была эстрадной артисткой, как я был Чарли Чаплином.

КИТТИ (сердито и чуть жалобно). Нет, я была артисткой. Я разъезжала по всей стране, от океана к океану, и давала концерты. Короли из Европы засыпали меня цветами. Самые богатые, самые знатные юноши приглашали меня обедать.

НИК. Фантазия.

КИТТИ (Джо). Я была артисткой, была! Китти Дюваль — это имя знали все. Мои портреты висели на фасадах театров по всей стране. В концертном костюме. В натуральную величину.

ДЖО (успокаивая ее, ласково). Я верю вам. Выпейте шампанского.

НИК (подходит к столику с бутылкой шампанского и, бокалами). Опять его понесло.

ДЖО. Мисс Дюваль?

КИТТИ (искренне). Это не настоящее, это мое сценическое имя.

ДЖО. Я буду вас называть вашим сценическим именем.

НИК (наливает). Ну, что ж, сестричка, решайся. Выпьешь с ним шампанского или нет?

ДЖО. Налейте леди вина.

НИК. Слушаюсь, профессор. Ума не приложу, с чего это вы облюбовали мою берлогу? Могли бы попивать шампанское где-нибудь в центре, в шикарном ресторане, например в «Святом Франциске». Могли бы пригласить какую-нибудь леди.

КИТТИ (в ярости). Перестаньте обзывать меня, вы... дантист!

ДЖО. Дантист?

НИК (изумленный, громко). Это ты выругала меня, что ли?(Некоторое время молчит, озадаченный. Смотрит на КИТТИ, затем на Джо.) Этому парню место не здесь. Только из-за него я

и держу шампанское: он его глушит не переставая. (КИТТИ.) Думаешь, он с тобой первой пьет шампанское? Он хлещет его с кем придется. (Помолчав.) Он тронутый. Или вроде того.

ДЖО (доверительно). Я думаю, Ник, через парочку столетий из вас кое-что получится.

НИК. Извините, я человек простой и этих тонкостей не понимаю.

ДЖО поднимает бокал, КИТТИ медленно поднимает свой, не вполне уверенная, что за этим последует.

ДЖО (просто). За мечту, Китти Дюваль.

КИТТИ (начинает понимать, с благодарностью смотрит на него). Спасибо.

Пьют.

НИК. Семь. Знаю, знаю. Нет, я нисколько не возражаю, ваше высочество, хоть лично я и не любитель музыки. (Идет к проигрывателю.) По правде сказать, я думаю, Чайковский был просто болван.

ДЖО. Чайковский? Откуда вы знаете о Чайковском?

НИК. Я как-то слушал передачу в воскресенье утром. Этакий слюнтяй. Позволить какой-то женщине свести себя с ума!

ДЖО. Так...

НИК. Я стоял здесь за стойкой, слушал всю эту дребедень и плакал как ребенок. «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду...». Нет, он был болван, ваш Чайковский.

ДЖО. А что же заставило вас плакать?

НИК. А?

ДЖО (настойчиво). Что заставило вас плакать?

НИК (злясь на себя). Сам не знаю.

ДЖО. Я вас недооценивал, Ник. Седьмой номер, пожалуйста.

НИК. Одно расстройство из-за этой музыки. И кому она только нужна? (Опускает монету. Снова звучит вальс. Ник слушает, затем берется за программу.)

КИТТИ (вполголоса, в грезах). Люблю шампанское и все, что с ним связано. Большие здания с большими верандами, и большие комнаты с большими окнами, и большие лужайки, покрытые цветами, и большие деревья, и больших овчарок, дремлющих в тени.

НИК. Я сбегая рядышком, к Фрэнки-букмекеру, поставлю ставку. Скоро вернусь.

ДЖО. Поставьте одну за меня.

НИК (подходит к Джо). На кого играете?

ДЖО (дает ему деньги). Драгоценное Время.

НИК. Десять долларов?! В двойном?

ДЖО. В ординаре.

НИК. Ладно. (Уходит.)

Бомбой врывается в дверь и буквально набрасывается на телефон ДАДЛИ (Дадли Р. Боствик, как он сам себя называет). Это обыкновеннейший и в то же время весьма примечательный юноша лет двадцати пяти. Ростом он, как говорится, не вышел, костюм носит хоть и не дорогой, но вполне изящный, истомлен и издерган размеренностью, серостью, однообразием своего существования. На первый взгляд он — никто и ничто, на самом же деле — личность выдающаяся. Жизнь сыграла с ним злую шутку: образование он получил изрядное, но решительно ничему путному не научился. Его куцый интеллект, в котором полученные знания вызвали только болезненный зуд, подвергается яростным атакам со стороны усмирённой, но не желающей сдаваться плоти. Отважный и глупенький, он с усталым и бездарным усердием бьется за свое место в жизни. И, несмотря на все это, желания его просты и фундаментальны: ему нужна женщина. Эта неодолимая и жгучая потребность, столь обычная и в то же время, если учесть неблагоприятность среды, окружающей данное животное, столь загадочная, и есть та сила, которая возвышает его от ничтожества до величия. Пусть смехотворно это величие, выглядит оно — так уж устроен мир — прекрасным. Все, чему он обучен, все, во что он верует,—блеф, но та же несокрушимая сила превращает его самого в реальность, чуть ли не сверхреальность. Он живет в напряженном, взвинченном ритме, у него жалчайшая физиономия, дикие телодвижения, визгливый, захлебывающийся голосок. Он неуравновешен и истеричен, и, однако, ему свойственны те же цельность и целеустремленность, что и всем представителям мира животных. Ему нельзя отказать в некоторых — врожденных или приобретенных — умственных способностях, но главное в нем — первозданная, бесхитростная животная энергия. Этому юнцу вдолбили в голову, что у него есть шанс выбиться в люди. По правде же говоря, шанса у него нет ни малейшего, и следовало честно сказать ему обо всем, или уж не надо было

портить образованием его естественное и здоровое невежество, нанося тем самым непоправимый ущерб этому во всех иных отношениях вполне достойному и очаровательному представителю людской породы.

Рванувшись к телефону, он тут же принимается бешено вращать диск, затем колеблется, передумывает, перестает набирать, яростно вешает трубку и внезапно снова набирает.

Не проходит и полминуты после подобного фейерверка вторжения Дадли Р. Боствика, как в ритме вальса и польки появляется Гарри. Это уже нечто совсем иное. Он робко входит и неуверенно осматривается, чувствуя себя здесь, как и везде, неловко и неприкаянно. Оделся он по всем правилам, и это сковывает и стесняет его. На душе у него кошки скребут, но он твердо решил на этот раз пересилить себя и действовать посмелее. В его появлении есть что-то от танца. Костюм на нем явно с чужого плеча. Брюки великоваты, пиджак также сидит мешком, кроме того, они не под пару друг другу. Он не блещет умом, но в голове его бродят мысли. У него, если хотите, есть даже своя философия. Философия эта проста и прекрасна. Жизнь полна печали, людям нужен смех. Гарри смешон, людям нужен Гарри. Гарри развеселит людей. Вероятно, он кончил начальную школу, а может быть, провел годик-другой и в старших классах. Кроме того, он прислушивался к разговорам в бильярдных.

Ему нужен НИК. Он подходит к Арабу и спрашивает: «Это вы — Ник?» Араб отрицательно качает головой. Гарри становится у стойки с твердым намерением дожидаться Ника во что бы то ни стало. Возвращается НИК.

ГАРРИ. Вы Ник?

НИК (очень громко). Да, я Ник.

ГАРРИ (наигранно). Вам не нужен первоклассный комик?

НИК (за стойкой). Кто, например?

ГАРРИ (почти со злостью). Я.

НИК. Ты? А что в тебе смешного?

ДАДЛИ у телефона набирает номер. Аппарат, видимо, не совсем исправен, и диск издаёт при вращении громкий треск.

ДАДЛИ. Алло! Это Сансет, семьдесят три—сорок девять?.. Попросите, пожалуйста, мисс Элси Мандельспигель.

ГАРРИ (с жаром и грохотом отбивает чечетку). Я танцую, рассказываю прибаутки и потешные истории, болтаю всякую всячину.

НИК. Костюм тебе нужен? Или ты прямо в своем?

ГАРРИ. Все, что мне нужно,— это сигара.

КИТТИ (все еще в своих грезах). Я бы вышла из дома и постояла на веранде. Окинула б взглядом деревья, вдохнула запах цветов. Потом пробежалась бы по лужайке и улеглась под деревом и стала бы читать. (Помолчав.) Может быть, стихи.

ДАДЛИ (чрезвычайно отчетливо). Элси Мандельспигель. (Теряя выдержку.) Ее комната на четвертом этаже. Она работает сиделкой в клинике при управлении Южно-Тихоокеанской железной дороги... Элси Мандельспигель. Работает она по ночам... Элси... Да.... (Снова ждет.)

Входит УЭСЛИ, это юноша-негр. Подходит к стойке и останавливается около Гарри в ожидании.

НИК. Пива?

УЭСЛИ. Нет, сэр. Мне бы хотелось поговорить с вами.

НИК (Гарри). Ну что ж, валяй чего-нибудь, да посмешней.

ГАРРИ (полностью преображаясь: теперь он актер, лезет вон из кожи, чтобы быть посмешней, напрягает изо всей силы голос, резко и энергично жестикулирует). Вот стою я на углу Третьей и Маркит-стрит. Гляжу вокруг. Стараюсь понять. Вот он — передо мной. Весь город. Весь мир. Снуют мимо люди. Торопятся куда-то. Куда — не знаю, но торопятся. А я стою на месте и никуда не иду. Куда идти? Зачем идти? Надо разобраться. Ведь я мирный обыватель. Вот бежит какой-то толстяк. Навстречу старушонка. Плюхнулся животом прямо ей в лицо. Они куда-то спешили. Толстое и старое — плюх!.. Бум! В чем дело? Может, война? Война!! Германия, Англия, Россия. Ничего толком не знаю. (Отдает честь, делает поворот кругом, берет на караул, прицеливается, стреляет. Громко, с драматическим пафосом.) Во-о-ой-на-а-а-а!! (Трубит сигнал к оружию.)

НИК (ему становится ото всего этого тошно, жестом велит Гарри перестать и подходит к Уэсли). А ты что хотел?

УЭСЛИ (смущенно). Я...

НИК. Ну давай, говори. Голоден, что ли?

УЭСЛИ. Честное слово, я не голоден. Я прошу только работы. Милостыня мне не нужна.

НИК. Хорошо. А на что ты годен? Каков из тебя работник?

УЭСЛИ. Я могу сбегать куда-нибудь, если понадобится. Могу убирать, мыть посуду. Что угодно.

ДАДЛИ (в трубку, с пылом). Элси? Элси, это я, Дадли. Элси, если ты не выйдешь за меня замуж, я утоплюсь. Мне без тебя жизнь не в жизнь. Я не сплю по ночам. Я не могу ни о чем думать, кроме тебя. Беспреданно, днем и ночью, ночью и днем. Я люблю тебя, Элси. Я люблю тебя... Что? (Взрываясь.) Это Сансет, семь-три-четыре-девять?.. (Пауза.) Семь-девять-четыре-три?.. (Вполголоса, в то время как Уилли у автомата производит дьявольский шум.) Ну, а вас как зовут?.. Лорен?.. Лорен Смит? А я думал, вы Элси Мандельспигель... Что?.. Дадли... Да. Дадли Р. Боствик... Да, «Р». Это означает—Рауль, но я всегда сокращаю... Я тоже рад познакомиться с вами... Что?.. Здесь очень шумно, ничего не слышно... (Шум автомата умолкает.) Где я? В пивной Ника на Пасифик-стрит. Работаю в управлении Южно-Тихоокеанской железной дороги... Я сказал, что плохо себя чувствую, и меня отпустили... Подождите минутку. Я спрошу. Я бы тоже хотел вас увидеть... Конечно, сейчас спрошу. (Оборачивается к Нику.) Какой ваш адрес?

НИК. Пасифик-стрит, три, гаденыш ты эдакий.

ДАДЛИ. Гаденыш? Вы даже не представляете, сколько я перестрадал из-за Элси. Я слишком всерьез все воспринимаю. Надо проще смотреть на вещи. (В трубку.) Алло, Элино! То есть Лорен. Пасифик-стрит, номер три... Да. Конечно. Я вас жду... Как меня здесь найти? Найдете. Я сам узнаю вас. Пока. (Вешает трубку.)

ГАРРИ (продолжает свой монолог, жестикулируя, двигаясь и т. д.). Я стою все там же. Я никому ничего не сделал. Почему же я должен идти в солдаты? (Искренне, яростно.) Бу-у-ум! Война!! Ладно, пусть война. Мне-то какое дело? Я ненавижу войну. Я уезжаю в Сакраменто.

НИК (кричит). Эй, комик, хватит! погоди малость!

ГАРРИ (подходит к Уилли, безутешно). Ни у кого нет больше чувства юмора. Людям, как никогда, нужно веселье, до зарезу нужно, но смеяться никто не умеет.

НИК (Уэсли). Ты член союза?

УЭСЛИ. Какого союза?

НИК. Да ты что, с луны свалился? Думаешь, можно зайти в ресторан, спросить место, получить его, начать работать — так просто. Ты должен быть членом какого-нибудь профсоюза.

УЭСЛИ. Я не знал. Мне нужна работа. Как можно скорее.

НИК. Но ты должен быть членом союза.

УЭСЛИ. Я согласен на любые условия. Только бы заработать на кусок хлеба.

НИК. Ступай на кухню, скажи Сэму, чтоб дал тебе перекусить.

УЭСЛИ. Да нет, ей-богу, я не голоден.

ДАДЛИ (кричит). Чего я только не перенес из-за Элси!

ГАРРИ. У меня голова набита всякими потешными штука-ми, которые помогут людям стать снова счастливыми.

НИК (поддерживая Уэсли). Ну конечно, он несколько не голоден.

Уэсли едва держится на ногах от голода. Если бы Ник не подхватил его, он бы упал без сознания. Араб и Ник ведут Уэсли на кухню.

ГАРРИ (Уилли). Ну-ка взгляни, как, по-твоему, это смешно? Я сам придумал весь этот танец. Он идет после монолога.

Гарри начинает танцевать, Уилли некоторое время смотрит на него, а затем снова принимается за свою игру. Сам по себе танец нелеп, но исполняет его Гарри с величайшей скорбью и в то же время с величайшей энергией.

ДАДЛИ. Элси. Ах, Элси, Элси! За каким дьяволом нужна мне эта Лорен Смит. Я ведь ее и не знаю вовсе.

Джо и Китти все это время молча пьют. Тишина. Слышно лишь, как мягко шаркают по полу башмаки Гарри, танцора и комика.

ДЖО. О чем сейчас грезите, Китти Дюваль?

КИТТИ (воплощая свои мечты в слова и образы). О доме. О боже, все мои мечты только о доме. У меня нет дома. У меня нет пристанища. Но я всегда мечтаю о том, будто все мы снова вместе. У нас была ферма в Огайо. Жилось нам трудно. Было всегда тоскливо. Никаких радостей, вечная нужда. И все-таки я всегда мечтаю о нашем доме, словно могу туда вернуться, словно могу там встретить папу, и маму, и Луи, и младшего брата Стивена, и сестренку Мэри. Я полька. Дюваль! Моя фамилия не Дюваль, а Корановска. Катерина Ко-рановска. Мы все потеряли. Дом, ферму, деревья, лошадей, норов, цыплят. Умер папа. Он был стар. Он был на тринадцать лет старше мамы. Мы переехали в Чикаго. Пытались найти работу. Пытались остаться вместе. Луи попал в беду. Он связался с какими-то парнями, и они его за что-то убили. Не знаю за что. Стивен убежал из дому. Ему было семнадцать лет. Я не знаю, где он теперь. Потом умерла мама. (Помолчав.) О чем я грежу? О доме.

НИК (выходит из кухни вместе с Уэсли). Присядь-ка вот здесь и отдохни. Ну как, подкрепился немного? Чего же ты не сказал, что голоден? Теперь тебе лучше?

УЭСЛИ (садится на стул у пианино). Гораздо лучше, спасибо. Я и не знал, что настолько голоден.

НИК. Вот и чудесно. (Гарри, который продолжает танцевать.) Эй! Что это ты там делаешь, скажи на милость?

ГАРРИ (останавливаясь). Это я сам придумал. Я прирожденный танцор и комик.

Уэсли начинает медленно, нота за нотой, аккорд за аккордом играть на пианино.

НИК. Все это никуда ни годится. Почему ты не попробуешь заняться чем-нибудь другим? Почему бы тебе не стать продавцом? Для чего ты хочешь быть комиком?

ГАРРИ. Я нужен людям. Я могу им дать кое-что. А они по собственной глупости не хотят мне этого позволить. Меня никто не знает.

ДАДЛИ. Элси! Вот я сижу и жду какую-то дамочку, которую никогда раньше в глаза не видел. Лорен Смит. Никогда в жизни с ней не встречался, просто случайно набрал не тот номер. Вот явится она во всей своей красе — и крышка мне. Дайте мне, пожалуйста, пива,

ГАРРИ. Ник, вы должны взглянуть, как я работаю. Уверю вас, это грандиозно. Во всей Америке вот ничего подобного. Дайте мне только возможность проявить себя, пусть поначалу без жалованья. Позвольте мне попробовать сегодня вечером. Если я не заставлю всех вопить от восторга — ладно, я уйду. Искусство эстрады заглохло, а то мастер вроде меня сумел бы пробиться.

НИК. Ты не умеешь смешить. Ты не актер, а сапожник, молодой, грустный сапожник. Какого ты черта выламываешься? Ты только нагоняешь на всех тоску. Да и с чего тебе веселиться? Ты ведь бедствовал всю жизнь, верно?

ГАРРИ. Да, я бедствовал, но не забывайте, что есть вещи, которые стоят гораздо больше, чем кое-что иное.

НИК. Какие же вещи, например, стоят больше, чем кое-что иное, например?

ГАРРИ. Талант, например, стоит больше, чем деньги, например. А у меня талант. У меня в голове теснятся новые идеи. Мне все легко дается. У меня есть собственный стиль, нужно только чуточку времени, чтоб его отшлифовать. Вот и все.

Уэсли, импровизируя, играет теперь что-то очень красивое, неземное. Гарри начинает танцевать.

НИК (наблюдая). Во всем Фриско не найдется пивнушки завалющейся, чем моя. И вот приходит какой-то тип и требует, чтобы я запасался шампанским. Приходят шлюхи и орут на меня, утверждая, что они знатные дамы. Приходит талант и просит дать ему возможность проявить себя. Даже люди из общества нет-нет, а заглянут сюда. В чем дело — не пойму. Может быть, в местонахождении. Может быть, в моей собственной персоне. А может, в самом заведении есть что-то неотразимое. Старая, гряз-

ная пивнушка. Может быть, только здесь они чувствуют себя как дома.

Теперь уже Уэсли играет вовсю, и Гарри начинает отрабатывать что-то новое, хотя все в том же духе. Дадли становится все более и более грустным.

КИТТИ. Давайте потанцуем.

ДЖО (громко). Я не умею танцевать.

КИТТИ. Что вы, тут и уметь нечего. Просто придерживайте меня, и все.

ДЖО. Вы хорошая. Очень хорошая. Простите меня, но танцевать я не могу. К сожалению, не могу.

КИТТИ. Ну пожалуйста.

ДЖО. Извините. Я бы и сам хотел.

КИТТИ танцует одна. Входит Том со свертком в руках. Увидев Китти, он снова чувствует себя, как в бреду. Овладев собой, кладет пакет на столик перед Джо.

ДЖО (берет сверток). Что ты купил?

ТОМ. Игрушек на два доллара. То самое, за чем ты меня посылал. Продавщица спросила, зачем мне игрушки. Я не знал, что ответить. (Пристально смотрит на Китти, затем снова обращается к Джо.) Джо, мне нужны деньги. Я знаю, я тебе всем обязан, и что угодно сделаю для тебя, только дай мне хоть раз немного денег.

ДЖО. На что они тебе?

ТОМ оборачивается и, не скрывая восхищения, смотрит на танцующую КИТТИ.

(Заметив это.) Понятно. На вот, держи пять долларов. (Кричит.) Танцевать умеешь?

ТОМ (с гордостью). Я получил вторую премию на конкурсе в Сакраменто пять лет назад.

ДЖО (разворачивая сверток, громко). Отлично. Танцуй с ней.

ТОМ. С кем? С ней?

ДЖО (громко). Да-да, с ней. С Китти Дюваль, знаменитой артисткой, королевой мировой эстрады. Танцуй с ней. Она хочет танцевать.

ТОМ (беспомощно, благоговая перед самим именем — Китти Дюваль). Джо, можно я тебе что-то скажу?

ДЖО (вынул одну из игрушек, заводит ев). Не надо. Я знаю. Ты ее любишь. Ты ее действительно любишь. Я не слепой. Я вижу. Смотри только, не накличь на себя беду.

НИК (широко раскрытыми глазами смотрит на Уэсли, с изумлением прислушивается к тому, что он играет). Подумать

только! Приходит и спрашивает место судомойки. Падает в обморок с голодухи. А потом садится к пианино и играет, что твой Хейфец.

ДЖО. Хейфец играет на скрипке.

НИК. Ладно, не придирайтесь. Он ведь здорово играет, верно?

ТОМ (Китти). Китти.

ДЖО (запускает игрушку, громко}. Не разговаривай. Просто танцуй.

Том и Китти танцуют. Ник наблюдает за всеми из-за стойки. Гарри танцует. Дадли топит свое горе в пиве. Входит Лорен Смит, особа лет тридцати семи, надменного и очень смешного вида. Подходит к стойке.

НИК. Что вам угодно, мадам?

ЛОРЕН (обводит взглядом помещение, останавливаясь на всех молодых мужчинах и вспугивая их этим). Мне нужен юноша, с которым я говорила по телефону, Дадли Р. Боствик.

ДАДЛИ (вскакивает, бежит к ней, останавливается, потрясенный). Дадли Р. ... (медленно) Боствик? Ах да! Он ушел минут десять назад. Вы имеет в виду Дадли Боствика, этого беднягу на костылях?

ЛОРЕН. На костылях?

ДАДЛИ. Ну да. Дадли Боствик. Именно так он себя и назвал. Он просил передать, чтобы вы не ждали его.

ЛОРЕН. Хорошо. (Собирается уходить, оборачивается.) А вы уверены, что вы не Дадли Боствик?

ДАДЛИ. Кто? Я? (Величественно.) Меня зовут Роджер Тенефранкиа. Я канадский француз. А этого беднягу я видел первый раз в жизни.

ЛОРЕН. Сдается мне, что ваш голос похож на тот, который я слышала по телефону.

ДАДЛИ. Совпадение. Случайность. Злой каприз судьбы. Выбросьте из головы эту мысль. Уже десять минут, как этот несчастный калека куда-то уковылял.

ЛОРЕН. Он сказал, что собирается покончить с собой. Я только хотела оказать ему помощь. (Уходит.)

ДАДЛИ. Оказать помощь. Чем это она может оказать помощь? (Бежит к телефону.) Ах, Элси! Милая Элси! Все кончено! Клянусь богом, я никогда больше не изменю тебе! (Листает записную книжку.) Почему это я всегда забываю ее номер? Сто раз на этой неделе я пытался созвониться с ней — и все забываю номер. Она не подойдет к телефону, но я все-таки звоню и буду звонить. Ее нет дома. Вышла. На работе. Не тот номер. Все не так, как надо. Я не могу заснуть. (С вызовом.) И все-таки она

когда-нибудь подойдет к телефону. Если преданная любовь чего-нибудь стоит, она подойдет. Ага, Сансет, семьдесят три — сорок девять. (Набирает номер.)

Джо продолжает рассматривать игрушки. Среди них одна большая заводная игрушка, несколько дудочек и маленькая шарманка. Джо трубит в дудки ловко и быстро, словно это занятие ему хорошо знакомо.

Том и Китти прекращают танцевать. Том не отрывает от нее глаз.

ДАДЛИ. Алло! Это Сансет семьдесят три—сорок девять?.. Попросите, пожалуйста, Элси... Да... (Подчеркнуто, с горечью.) Нет, это не Дадли Боствик. Это Роджер Тенефранкиа из Монреаля в Канаде. Я друг детства мисс Мандельспигель. Мы вместе ходили в детский сад... (Закрывает трубку рукой.) Черт бы их побрал. (В трубку.) Да. Спасибо, я подожду.

ТОМ. Я люблю вас.

КИТТИ. Хотите, пойдете ко мне.

Том не в силах ответить.

У вас есть два доллара?

ТОМ (качает головой в смущении). У меня есть пять долларов, но я вас люблю.

КИТТИ (глядя на него). Вы хотите истратить все эти деньги?

Том обнимает ее. Они выходят.

ДЖО (смотрит вслед. Снова берется за свою игрушку). А где этот докер, Маккарти?

НИК. Скоро придет.

ДЖО. Как думаете, о чем он будет разглагольствовать сегодня?

НИК. О многом, как всегда. Схожу проверю, кто выиграл третий заезд.

ДЖО. Могу вам сказать. Драгоценное Время.

НИК. Вы уверены? (Уходит.)

ДЖО (про себя). В шестом заезде сегодня скачет лошадь по кличке Маккарти.

ДАДЛИ (в трубку). Алло! Алло, Элси? Элси?.. (Голос его слабеет, колени тоже.) Боже мой! Она подошла к телефону... Элси, я в салуне Ника на Пасифик-стрит. Приходи сюда, мне нужно поговорить с тобой... Алло! Алло, Элси?.. (В изумлении.) Неужто повесила трубку? Или нас разъединили? (Вешает трубку и подходит к стойке.)

УЭСЛИ все еще играет на пианино. ГАРРИ все еще танцует. ДЖО заводит большую игрушку и наблюдает, как она действует. Возвращается НИК.

НИК (глядя на игрушку). Ишь ты! Ловкая штука!

ДЖО. Сколько я выиграл?

НИК. А почему вы знаете, что выиграли?

ДЖО. Не прикидывайтесь дурачком. Он сказал, что Драгоценное Время обойдет всех на десять корпусов, верно? А ведь он влюблен.

НИК. Не знаю, как это вышло, но Драгоценное Время и впрямь выиграла. Вы получили восемьдесят долларов на ваши десять. Как это вам удается?

ДЖО (хохочет). Вера, мой друг! Вера! И намного она обошла других?

НИК. На полголовы. Загляните в программку, проверьте: самая медленная, самая дешевая, самая скверная лошаденка во всем заезде. Самый плохой жокей. С чего это мне так не везет?

ДЖО. Сколько вы проиграли?

НИК. Пятьдесят центов.

ДЖО. Вам вообще не следует играть.

НИК. Почему?

ДЖО. Вы всегда ставите пятьдесят центов. У вас не больше веры, чем у блохи. В этом все дело.

ГАРРИ (кричит). Взгляните, Ник, как вам это понравится?

Гарри действительно трудится сейчас в поте лица; ноги и руки его в непрерывном движении,

НИК (оборачивается, смотрит). Недурно. Ладно, оставайся. Сможешь обслуживать столики. (УЭСЛИ.) Послушай, Уэсли. Сумеешь снова сыграть это сегодня вечером?

УЭСЛИ (также оборачиваясь, но не переставая играть). Не могу вам сказать точно, мистер Ник. Я ведь играю просто так.

НИК. Ладно. Ты тоже оставайся. (Заходит за стойку.)

Атмосфера в салуне полна теперь теплоты и безыскусственности, чисто американской непринужденности. Каждый чист и добр и делает то, что, по его мнению, ему надлежит делать. В поведении всех сквозит убежденность и глубочайшая американская наивность. Никто ни с кем не враждует. Никто ни к кому не питает ненависти. Каждый живет и дает жить другим. Всякий следует предначертаниям своей судьбы, как он их понимает, или пытается избежать их, уверенный, что их следует сейчас избегать, или забыл о них на время, уверенный, что их следует забыть. Несмотря на то, что нет никого, кто не был бы сосредоточенно серьезен, все окрашено улыбкой и юмором. Ощущение такое, словно телом и духом каждый из присутствующих выбрался из навязан-

ного людям состояния подавленности, раздражительности, боязливой неловкости и пребывает в более естественном для человека состоянии покоя и умиротворенности. Кого ни возьми, всякий по-своему вписывается в окружающую обстановку, вписывается самой своей сущностью: Уэсли играет лучше, чем когда бы то ни было, Гарри отбивает чечетку лучше, чем обычно, Ник за стойкой до блеска протирает посуду, Джо с улыбкой смотрит на свою игрушку. Дадли, правда, все еще не оправился от своих тревог, но теперь он по крайней мере тих и полон печальной уравновешенности. Уилли счастлив со своими шариками. Араб погружен в воспоминания о желанных сердцу местах и встречах.

И в этой атмосфере появляется БЛИК. Блик принадлежит к тому роду человеческих существ, которые внушают неприязнь с первого взгляда. Внешне он ничем не отличается от других. Физиономия у него самая заурядная. Никакого бросающегося в глаза изъяна в нем нет, и, однако, вы твердо знаете, что даже при самом снисходительном отношении человеком его считать нельзя. Это сильный мужчина, лишенный подлинной силы, сильный только среда слабых, ничтожество, притесняющее тех, кто слабей его.

Он входит как бы невзначай, словно он тут всегда, и сразу же Гарри начинает замедлять свой танец.

БЛИК (елейно, с лживой фамильярностью). Привет, Ник.

НИК (прекращает работу, перегибается через стойку). Чего вам здесь нужно? Вы слишком важная птица для моей бедной пивнущки.

БЛИК (Польщенный). Ну ладно, ладно, Ник.

НИК. Из начальства ко мне сюда обычно никто не заглядывает. Нате вот, выпейте. (Достаёт бутылку виски.)

БЛИК. Спасибо, не пью.

НИК (пьёт сам). Почему, позвольте узнать?

БЛИК. Я при исполнении служебных обязанностей.

НИК. Вы ведь из этой сволочной полиции нравов. А у меня здесь нравы самые что ни на есть чистые.

БЛИК (резко). У вас здесь ошиваются гулящие девки.

НИК (со злостью). Чего вы от меня хотите?

БЛИК (громко). Хочу просто предупредить вас, что с этим надо покончить.

Музыка прекращается. Заводная игрушка останавливается. Полная тишина. Атмосфера пронизана какой-то странной боязнью и ощущением разлада. Гарри не знает, куда девать руки и ноги. Беспомощно повисли руки УЭСЛИ. Джо потихоньку отодвигает игрушку на край стола, живо заинтересованный тем, что происходит. Уилли перестает играть, оборачивается и ждет. Дадли выпрямляется весьма и весьма энергично, словно желая сказать: «Меня ничем не запугать. Я знаю, любовь — единственная стоящая штука на этом свете». Араб такой же, как всегда, только настрожился. Ник высокомерно безразличен. Несколько секунд длится это напряженное молчание, словно Блик ожидает, чтобы каждый осознал факт его присутствия. Ему явно льстит впечатление, которое он произвел на Гарри, Дадли, Уэсли к Уилли, но в то же время он слегка раздражен безразличием и недружелюбием Ника.

НИК. Нечего на меня глазеть. Я не умею отличить гулящую девку от негулящей. Вы женаты?

БЛИК. Задавать вопросы буду я...

НИК (прерывая). Вам, наверно, лет сорок пять или в этом роде — вы лучше меня должны знать о таких вещах.

БЛИК (злобно). Здесь ошиваются гулящие девки.

НИК (переходит на крик). Чего вы лезете на рожон? Люди заходят ко мне выпить и потом идут на все четыре стороны. Мне нет дела, кто они такие.

БЛИК. Зато мне есть дело.

НИК. Единственный способ узнать о женщине, гулящая она или нет,— это прогуляться с ней и лечь в постель. Вам этот способ не подойдет, хотя вы, конечно, были бы не прочь.

БЛИК. Еще одно слово — и я прикрою ваш кабак!

НИК (очень легко, между прочим, без тени недоброжелательства). Послушайте, я не хочу иметь никакого дела ни с вами, ни с кем-нибудь вроде вас. Мир и так достаточно плох, а вы стремитесь сделать его еще хуже, сделать его похожим на себя.

БЛИК (после яростной паузы, презрительно). Я еще загляну вечером. (Направляется к двери).

НИК (очень зло и в то же время очень спокойно). Сделайте милость, не утруждайте себя. Пришлите кого-нибудь другого. Мне не по душе ваш характер.

БЛИК (с оскорбительной небрежностью). Не нарушайте законов. Мне ваш тоже не по душе. (Окидывает взглядом помещение и уходит.)

Долгая пауза. Затем Уилли оборачивается к автомату, сует в щель очередную монету и снова приступает к игре. Уэсли поворачивается к пианино и не очень уверенно начинает перебирать клавиши: особого желания играть он не испытывает. Гарри слоняется из угла в угол: танцевать он не в состоянии. Дадли у столика погружается в привычную меланхолию. Ник слегка насвистывает, внезапно останавливается.

ДЖО (заводит игрушку. Шутливо). Ник, вы не собираетесь его прикончить?

НИК. До чего же противно!

ДЖО. Да? Почему?

НИК. Разве этот тип стоит того, чтобы выходить из себя? Разве его надо ненавидеть? Он пустое место. Он мелкая сошка, тля. И все-таки каждый раз, когда он сюда приходит, меня душит злость. Выпить он не хочет. Присесть — не хочет. Дать покой себе и людям — не хочет. Ответьте-ка мне на один вопрос.

ДЖО. С удовольствием.

НИК. Уж если сам он такая мразь, с какой стати ему выламываться и пытаться изменить мир?

ДЖО (изумленный). Как? Он тоже хочет изменить мир?

НИК (с раздражением). Вы меня поняли. Для чего он досаждаёт людям? Ведь он ненормальный.

ДЖО (про себя, размышляя над тем обстоятельством, что Блик тоже хочет изменить мир). А еще хочет мир изменить.

НИК. А я попросту работаю и ненавижу его.

ДЖО. Дело не в нем, Ник. Дело во всем прочем.

НИК. Я и сам знаю. И все-таки не хочу иметь с ним дело. Он дрянь. Главное, что простым людям нет от него житья. (Смутившись.) Тут одна девушка пыталась из-за него покончить с собой. (Яростно.) Я размозжу ему башку, если он затронет кого-нибудь здесь у меня. Это мое заведение. (Заканчивая мысль.) Или если обидит кого-нибудь.

ДЖО. Может быть, сам по себе он не так уж и плох.

НИК. Я его знаю как облупленного. Он дрянь.

Пока шел этот разговор, Уэсли стал играть уже по-настоящему, снова задрезжала игрушка и Гарри мало-помалу начал танцевать. Ник зашел за стойку, гнев его испарился, он очень похож теперь на ребенка, с интересом смотрит, как работает игрушка. На лице его засияла улыбка, она отно-

сится ко всему; он поворачивается и слушает, как играет Уэсли, смотрит на Гарри, обменивается кивком с Арабом, качает головой, глядя на Дадли, делает добродушный жест, относящийся к Уилли. Да, это его заведение, и все в нем идет как надо. Добрая, захудалая американская пивнушка, где каждый чувствует себя самим собой.

НИК. Хороший у меня салун. И людям здесь вольготно. Эй, комик, так и быть, станцуешь вечерком. Может, что и получится. Уэсли! Сыграешь вечером еще что-нибудь в этом роде. Ловко у тебя выходит.

ГАРРИ. Спасибо, Ник. Ну вот, наконец-то я на верном пути. (У телефона). Алло, мама? Это ты, ма?.. Это Гарри. Я получил работу. (Вешает трубку и, улыбаясь, расхаживает вокруг.)

НИК (все это время смотрит на игрушку}. В самом деле здорово. Что хоть это такое?

Входит МЭРИ. Л.

ДЖО (протягивая игрушку по направлению к Нику и Мэри Л). Это игрушка, Ник. Искусное творение хитрых рук человеческих, созданное для того, чтобы отгонять от ребенка скуку, печаль или гнев. Благородная безделушка. Я бы сказал, в миллион раз более благородная, чем любое другое изобретение.

Все собрались у столика Джо, чтобы посмотреть на игрушку. Она останавливается. Джо крутит ручку шарманки, затем берет одну из дудок и трубит в нее, она издает очень странный звук — смешной и одновременно печальный.

ДЖО. Восхитительно. Грустно, но восхитительно.

Уэсли играет на пианино тему шарманки. Мэри Л. присаживается у одного из столиков.

НИК. Джо... Эта девушка, Китти, что она имела в виду, когда назвала меня дантистом? Я бы никогда в жизни никому не причинил боли, не говоря уже о зубах. (Подходит к столику Мэри Л.)

Гарри, танцуя, имитирует движения игрушки. Фортепьянная музыка слышна все громче. Свет медленно меркнет. Музыка продолжает звучать.

Занавес

Действие второе

Спустя час. Все те, кто был в салуне Ника, когда опустился занавес, все еще находятся здесь. Джо за своим столиком неторопливо тасует колоду карт. Взор его прикован к сидящей неподалеку женщине, он вглядывается в ее лицо и рассматри-

вает инициалы на ее сумочке — так, словно они являются символами утраченной славы мира. Она бросает на него время от времени случайные взгляды. Или, скорее, просто ощущает его присутствие, так же как ощущала его присутствие весь этот час. Она чуть-чуть возбуждена выпитым пивом, и сам Джо тоже под хмельком, но он, как всегда, полностью владеет собой, только обостренное все воспринимает. Остальные — в отдалении.

ДЖО. Это означает Мэдж Лобовитц?

МЭРИ. Что «это»?

ДЖО. Имя и фамилия. Может быть, Мейбл Лепеску?

МЭРИ. Какое имя? Какая фамилия?

ДЖО. Те, которые обозначены инициалами «М. Л.». На вашей сумочке.

МЭРИ. Нет.

ДЖО (долго и напряженно размышляет, какое это может быть имя, достает карту из колоды, смотрит на прекрасное лицо женщины). Марджи Лонгворти?

Все это происходит предельно просто и искренне; ни он, ни она вовсе не шутят; будучи слегка под хмельком, оба сохраняют торжественную серьезность.

МЭРИ. Нет.

ДЖО (голос его звучит на более высоких нотах, словно его начинает охватывать тревога). Мидж Лоури?

Мэри качает головой.

Мои инициалы «Д. Т.».

МЭРИ (после паузы). Джон?

ДЖО. Нет. (Пауза.) Марта Ланкастер?

МЭРИ. Нет. (Небольшая пауза.) Джозеф?

ДЖО. Почти. Это действительно мое имя, но называют меня все Джо. Фамилия у меня трудная. Я помогу вам немного. Я ирландец. (Пауза.) Может быть, это просто обыкновенное Мэри?

МЭРИ. Угадали. Я тоже ирландка. Во всяком случае, по отцу. Со стороны матери — англичанка.

ДЖО. Я ирландец и с той и с другой стороны. Мэри — одно из моих самых любимых имен. Поэтому-то оно мне, наверно, и не пришло в голову. Когда-то в Мехико-сити я встречался с девушкой по имени Мэри. Она была американкой из Филадельфии. Она там вышла замуж. Я хочу сказать — в Мехико-сити. Как раз когда и я там был. Мы были влюблены друг в друга. По крайней мере я в нее. Ручаться можно только за себя. Они, видите ли, были помолвлены, и с ней была ее мать, так что они все

это и уладили. Это было лет шесть или семь назад. У нее уже теперь, наверно, дети. Трое или четверо.

МЭРИ. Вы все еще любите ее?

ДЖО. Что вы, нет!.. По правде сказать, не знаю. Вероятно, да. Еще за два дня до того, как они поженились, я даже не знал об их помолвке. Я полагал, что она выйдет замуж за меня. Я все время мечтал о наших детях, представлял себе, какими они будут. Моим любимцем был третий ребенок. Двое первых были славные ребята. Красивые, славные и умные. А этот третий был совсем не такой. Он был глупенький и выглядел придурковато. Я очень его любил. Когда она мне сказала, что выходит замуж, мне не так было жалко первых двух, как этого глупенького.

МЭРИ (после паузы). Чем вы занимаетесь?

ДЖО. Занимаюсь? Откровенно говоря, ничем.

МЭРИ. Вы всегда помногу пьете?

ДЖО (очень серьезно). Нет, не всегда. Только когда бодрствую. Я, видите ли, сплю по ночам семь или восемь часов.

МЭРИ. Как это мило. Я хочу сказать — пить, когда бодрствуешь.

ДЖО (глубокомысленно). Это мое неотъемлемое право.

МЭРИ. Вам в самом деле нравится пить?

ДЖО (категорически). Так же, как и дышать.

МЭРИ. Почему?

ДЖО (с внезапной силой). Почему мне нравится пить? (Пауза.) Потому что мне не нравится оставаться в дураках. Потому что мне не нравится чувствовать себя почти все время мертвецом и только изредка пробуждаться к жизни. (Пауза.) Когда я не пью, меня приводит в восхищение всякая чепуха, так же как и всех других. Я начинаю заниматься делом. Совершаю поступки. Всевозможные мелкие, глупые поступки по всевозможным мелким, глупым поводам. Гордые, эгоистичные, заурядные поступки. Я совершал их. Теперь я не совершаю ничего. Я все время живу. Потом — отправляюсь спать.

Пауза.

МЭРИ. Вы спите хорошо?

ДЖО (как нечто само собой разумеющееся). Конечно.

МЭРИ (тихо, почти с нежностью). Что же вы думаете делать дальше?

ДЖО (громко, но тоже с нежностью). Дальше? Ничего. Лечь спать вечером и проснуться утром.

МЭРИ (начиная все понимать). О да. Да, конечно.

Дадли опускает монету в проигрыватель.

ДЖО (задумчиво). Почему я пью? (Молчит размышляя. Размышления эти, по-видимому очень глубокие и сложные, при-

дают его лицу забавное и наивное выражение.) Вопрос не из легких. (Рассеянно улыбается.)

МЭРИ. О, я не хотела...

ДЖО (быстро, с учтивостью). Нет-нет. Я отвечу, Знать-то я знаю — почему, не могу только подобрать слова. Маленькие, незначительные слова.

МЭРИ. В самом деле не стоит.

ДЖО (серьезно). О нет, стоит. (Вдумываясь.) Итак, почему я пью? (Убежденно.) Нет, почему вообще люди пьют? (Подыскивая нужные слова.) В каждом сутках двадцать четыре часа.

МЭРИ (со светлой грустью). Да, это так.

ДЖО. Двадцать четыре часа. Из этих двадцати четырех по меньшей мере двадцать три с половиной — боже мой, не знаю почему — тоскливые, мертвые, скучные, пустые, убийственные. Не жизнь идет — идут стрелки на часах. Каждый из нас, кто бы он ни был, чем бы ни занимался, двадцать три с половиной часа из двадцати четырех проводит в ожидании.

МЭРИ. В ожидании?

ДЖО (жестикулируя, громко). И чем больше мы ждем, тем меньшего можем ожидать.

МЭРИ (внимательно слушает). Да?

ДЖО. Так и проходят дни за днями, недели за неделями. Проходят месяцы, проходят годы. И вот наконец мы постигаем истину. А истина в том, что все эти годы — мертвы. Все дни — мертвы. И мы сами — мертвы. Больше нечего ждать. Все — мертво. Все, кроме стрелок на часах. Это не жизнь. Только стрелки и оупение. Красивое, светлое, умное оупение. (Пауза.) Я ответил на ваш вопрос?

МЭРИ (серьезно). Боюсь, что да. Спасибо. Не стоило так утруждать себя.

ДЖО. Пустяки. (Пауза.) У вас есть дети?

МЭРИ. Есть. Двое — сын и дочь.

ДЖО (обрадованно). Чудесно! Похожи на вас?

МЭРИ. Да.

ДЖО. Почему же вы грустите?

МЭРИ. Мне всегда было грустно. А пить я начала только после замужества.

ДЖО (живо). Кого вы ждете?

МЭРИ. Никого.

ДЖО (улыбаясь). И я никого.

МЭРИ. Мужа, конечно.

ДЖО. Ах да, разумеется.

МЭРИ. Он юрист.

ДЖО (встает, опираясь о стол). Он славный парень. Он мне нравится. Он мне очень по душе.

МЭРИ. У вас есть какие-нибудь обязанности?

ДЖО (громко). Целая уйма и еще немного. Откровенно говоря, я чувствую себя обязанным перед каждым. По крайней мере перед каждым, с кем я встречаюсь. Вот уже три года, как я пытаюсь выяснить, возможно ли жить такой жизнью, которая, по моему мнению, свойственна человеку. То есть, жить так, чтобы не причинять ущерба другой человеческой жизни.

МЭРИ. Вы пользуетесь известностью?

ДЖО. В высшей степени. Меня решительно никто не знает, и польза именно в этом. Вам не хотелось бы потанцевать?

МЭРИ. Давайте.

ДЖО (громко). Прошу прощения. Я не танцую. Я думал, вы не захотите.

МЭРИ. По правде говоря, я совсем не люблю танцевать.

ДЖО (подчеркнуто, разъясняя}. Я и хожу-то с трудом.

МЭРИ. Потому что выпили?

ДЖО (улыбаясь). Нет, вообще.

МЭРИ (пристально на него глядя). Вы когда-нибудь бывали в Париже?

ДЖО. В двадцать девятом и тридцать четвертом.

МЭРИ. Когда именно в тридцать четвертом?

ДЖО. Почти весь апрель, весь май и начало июня.

МЭРИ. Я была там в ноябре и декабре того же года.

ДЖО. Мы были там почти в одно и то же время. Вы тогда были замужем?

МЭРИ. Помолвлена.

Мгновение они молчат, глядя друг на друга.

(Тихо.) Вы в самом деле любите меня?

ДЖО. Да.

МЭРИ. Воздействие шампанского?

ДЖО. Да. Во всяком случае, отчасти. (Садится.)

МЭРИ. Если вы меня больше никогда не увидите, вы будете очень несчастны?

ДЖО. Очень.

МЭРИ (вставая). Как хорошо.

То, что она уходит, доставляет Джо глубокое горе. Его почти охватывает страх, он встает со стула движением, полным неистовой скорби.

Мне надо идти. Не вставайте, пожалуйста.

Джо стоит, с изумлением глядя на нее.

МЭРИ. Прощайте.

ДЖО (просто). Прощайте.

Она смотрит на него, затем поворачивается и уходит. Джо долго стоит, пристально глядя ей вслед. Как раз в тот момент, когда он медленно

садится, входит мальчик-газетчик и подходит к его столу.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК. Газету, мистер?

ДЖО. Сколько их у тебя на этот раз?

МАЛЬЧИК. Одиннадцать.

Джо покупает все газеты, с отвращением проглядывает заголовки, отшвыривает газеты прочь. Мальчик с изумлением смотрит на него, затем подходит к Нику, который стоит за стойкой.

МАЛЬЧИК (волнуясь). Послушайте, мистер, это ваш салун?

НИК (небрежно, но подчеркнуто). Да, это мой салун.

МАЛЬЧИК. Вам случайно не нужен прекрасный лирический тенор?

НИК (про себя). Прекрасный лирический тенор? (Громко.) Кто?

МАЛЬЧИК (громко и чуточку сердито). Я! Я слишком вырос, чтобы торговать газетами. Я не хочу все время выкрикивать заголовки. Я хочу петь. Разве не пригодится вам прекрасный лирический тенор?

НИК. Что же в тебе лирического?

МАЛЬЧИК (высоким голосом, смущенный). Голос.

НИК. Вот оно что! (Небольшая пауза, уступает.) Ну что ж, пой!

МАЛЬЧИК с места в карьер начинает петь в быстром темпе прекрасную песню «Ирландская улыбка». Ник и Джо внимательно слушают: Ник — с интересом, Джо — с удивлением и восторгом.

МАЛЬЧИК (поет).

Ирландская улыбка

Вас, как солнце, ослепит.

А в смехе у ирландца

Пенье ангелов звучит.

Когда ирландец счастлив,

Он весь мир развеселит.

А едва он улыбнется...

НИК (быстро). Ты ирландец?

МАЛЬЧИК (громко, слегка недовольный тем, что его перебили). Нет, я из Греции. (Заканчивает песню, поет еще громче, чем раньше.)

...Он ваше сердце покорит.

(Театральным движением оборачивается к Нику, как эстрадный певец, ожидающий аплодисментов.)

Ник с интересом на него смотрит. Джо поднимается и, опершись на стол, наблюдает за ними.

НИК. Неплохо. Давай-ка приходи сюда через годик, я послушаю тебя снова.

МАЛЬЧИК (с восторгом). Правда?

НИК. Да. В ноябре сорокового года, числа так примерно седьмого.

МАЛЬЧИК (никогда в жизни он не был так счастлив; подбегает к Джо). Вы тоже слушали, мистер?

ДЖО. Да. Ты здорово пел. Молодец! Откуда из Греции?

МАЛЬЧИК. Из Салоник. Ах, черт побери! Спасибо, мистер. Спасибо.

ДЖО. Не стоит ждать целый год. Приходи сегодня попозже с газетами. Ты прекрасный певец,

МАЛЬЧИК (с восторгом и возбуждением). Большое спасибо, мистер. До свиданья. (Подбегает к Нику.) Спасибо, мистер. (Убегает.)

Джо и Ник смотрят ему вслед. Джо садится.

НИК (улыбаясь). Джо, как чудесны люди! Поглядите только на этого мальчугана.

ДЖО. Конечно, чудесны. Кого ни возьми — все чудесны и удивительны.

Не прерывая оживленной беседы, входят Маккарти и Крапп. Маккарти — высокий мужчина в рабочей одежде, которая придает ему очень юный вид. На нем черные брюки и синяя рабочая блуза. Галстука не носит. Шляпы — тоже. Он широкоплеч, у него худое умное лицо, густые темные волосы. В правом заднем кармане брюк — крючок, которым пользуются докеры. У него длинные волосатые руки. Рукава закатаны по самые локтя. Чувствует он себя везде запросто, двигается уверенно и ловко. Он чуток и проницателен, легко и быстро распознает все обаятельное и чистое, хорошо чувствует юмор. Характер у него добрый и мягкий. Говорит он ясно, отчетливо, у него сильный, но богатый оттенками, гибкий, теплый голос. Он радуется жизни, несмотря на всю ее неразбериху, он любит людей, несмотря на все их слабости.

Крапп — ниже ростом и не так широкоплеч, как Маккарти. Полицейская форма, дубинка, пистолет, ремень, фуражка физически стесняют его. Да я вообще в роли полисмента ему, совершенно очевидно, не по себе. Движения его скованны и полны непреднамеренной помпезности. Он наивный и до сути своей добрый человек. Далеко не во всем, что

его окружает, он способен разобраться, как Маккарти, но он честен и не пытается пускать пыль в глаза.

КРАПП. Ты не понимаешь, что я хочу сказать. Привет, Джо.

ДЖО. Здравствуйте, Крапп.

МАККАРТИ. Привет, Джо.

ДЖО. Здравствуйте, Маккарти.

КРАПП. Две кружки пива, Ник. (Маккарти). Я всегда лишь исполняю приказания, понимаешь - исполняю приказания. А что за этими приказаниями — не знаю. Для кого они, или против кого они, или зачем они — не знаю. Я просто выполняю приказы, и все.

Ник подает им пиво.

МАККАРТИ. Ты мало читаешь.

КРАПП. Как — мало? По утрам я прочитываю «Игзэми-нер». Каждый вечер — «Колл буллетин».

МАККАРТИ. И выполняешь приказы. Что приказано тебе сейчас?

КРАПП. Поддерживать порядок в порту.

МАККАРТИ. Порядок? Для кого? (Джо.) Верно?

ДЖО (с грустью}. Верно.

КРАПП. Почему мне знать — для кого. Порядок. Просто поддерживать его, и все.

МАККАРТИ. Порядок надо поддерживать для кого-то. Как ты думаешь, для кого он поддерживается?

КРАПП. Для жителей.

МАККАРТИ. А я разве не житель?

КРАПП. Вот я и поддерживаю его для тебя.

МАККАРТИ. Тем, что бьешь меня дубинкой по голове? (Джо). Верно?

ДЖО (грустно, припоминая что-то). Не знаю.

КРАПП. Мак, ты ведь знаешь, я никогда не бил тебя дубинкой по голове.

МАККАРТИ. Но ударишь, если я, положим, буду сопротивляться приказам, которые тебе дают.

КРАПП. Мы вместе ходили в школу. Мы всегда были добрыми друзьями. Один только раз мы с тобой подрались — из-за Элмы Хэггерти. А ты ведь так и не женился на ней. (Джо). Верно?

ДЖО. И то верно, и это верно.

МАККАРТИ. Да, не женился. А ты разве женился? (Джо.) Вы за меня, Джо, или против?

ДЖО. Я за всех. За каждого в отдельности и за всех вместе.

КРАПП. И я не женился. Как раз об этом-то я и толкую.

МАККАРТИ. Ты хочешь сказать, что и сейчас ни мне, ни тебе нет никакого проку в предмете нашего спора?

КРАПП. Я даже не знаю толком, в чем он, этот предмет.

МАККАРТИ. Говорю тебе, ты мало читаешь.

КРАПП. Но ты ведь, Мак, тоже не знаешь, из-за чего споришь со мной.

МАККАРТИ. Это так просто. Так фантастично и так просто.

КРАПП. Ну тогда скажи, что ты сейчас отстаиваешь?

МАККАРТИ. Права униженных. Верно?

ДЖО. Что-то вроде этого.

КРАПП. Кого-кого?

МАККАРТИ. Униженных. В мире полным-полно мерзавцев, которые считают особым удовольствием обращаться с ближним своим, как с собакой. А люди были созданы равными. Помнишь?

КРАПП. Но ты ведь не униженный, Мак.

МАККАРТИ. Я докер. И у меня есть идеалы. У самого меня слишком сильно развиты мускулы, чтобы заниматься исключительно умственным трудом, и я выбрал себе в жены маленькую, хрупкую женщину, образованную и с тонкими чувствами, для того чтобы дети мои выросли нежными и умными, а не какими-нибудь там прихлебателями. Если в придачу к силе человеку даны хоть какие-то чувства, перед ним один только выбор: быть либо прохвостом, либо рабочим. Быть прохвостом мне не по душе, поэтому я рабочий. А сын у меня скоро заканчивает школу и уже подумывает о том, чтобы стать писателем.

КРАПП. Я тоже хотел когда-то стать писателем.

ДЖО. Изумительно. (Откладывает газету. Смотрит на Краппа и Маккарти.)

МАККАРТИ. Кто только не хотел стать писателем. Любой маньяк, посылавший людей на убой во время войны, начинал с того, что кропал стишки где-нибудь на чердаке или в подвале. Мерзкое занятие. Вот они и пытались потом отыгаться на том, что становились выдающимися прохвостами. Оно и теперь все так же.

КРАПП. Это правда, Джо?

ДЖО. Взгляните на сегодняшнюю газету.

МАККАРТИ. Думаешь, сейчас, вот здесь, на Телеграф-хилл, не живет какой-нибудь недоросль, который пытается стать Шекспиром? А лет через десяток он будет сенатором.

КРАПП. Неужто нельзя с этим что-нибудь сделать, Мак?

МАККАРТИ (лукаво, со смешком в голосе). Вот что нужно сделать: издавать побольше журналов. Сотни журналов. Тысячи.

Печатать все, что они пишут. Тогда они уверуют в свое бессмертие и им незачем будет становиться прохвостами.

КРАПП. Мак, тебе самому надо было стать писателем.

МАККАРТИ. Ненавижу это племя. От них-то и все беды. Верно?

ДЖО (быстро). Все верно. Верно и неверно.

КРАПП. Зачем же ты тогда читаешь? —

МАККАРТИ (со смехом). Для отдыха. Для успокоения. (Пауза.) Нет людей паскуднее, чем писатели. Человеческая речь сама по себе прекрасна. А вот люди, которые пользуются ею, чтобы вводить в заблуждение ближних, — гнусны.

Араб подошел поближе и внимательно слушает.

(Арабу.) А вы, брат, как думаете?

АРАБ (он напряженно думает). Нет устоев. Все идет прахом. Что. Нечто. Ничто. Пойду пройдуся и взгляну на небо. (Уходит.)

КРАПП. Что? Нечто? Ничто? (Джо.) О чем это он?

ДЖО (медленно, думая, припоминая). Что? Нечто? Ничто? Это означает — по эту сторону и по ту сторону. Внутри и вне. Нечто — рождение. Ничто — смерть. Непостижимое, неминуемое, чудесное семя: семя роста и распада всего, что только ни есть на свете. Начало и конец. Этот человек по-своему пророк. Он один из тех, кто способен при помощи пива достигать состояния глубочайшего разумения, когда «нечто» и «ничто» — доступное и недоступное разуму — превращаются в одно и то же.

МАККАРТИ. Верно.

КРАПП. Если ты способен все это понять, почему ты остаешься грузчиком?

МАККАРТИ. Все мои предки с незапамятных времен имели дело только с теми женщинами, которые были мощны телом и сильны в споре. (Пьет пиво.)

КРАПП. Я могу часами слушать вас обоих, но будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю из того, о чем вы говорите.

МАККАРТИ. Из этого проистекает, что все Маккарти слишком велики и слишком сильны для того, чтобы быть героями. Только слабые и неуверенные совершают героические деяния. Ничего другого им не остается. Чем больше героев, тем сквернее становится история рода человеческого. Верно?

ДЖО. Пойдите прогуляться, и убедитесь.

КРАПП. Ты, конечно, умеешь филос... философст... а, черт... умеешь разговаривать.

МАККАРТИ. Разговаривать подобным образом я могу только с теми, кто носит полицейскую форму и не может понять ни слова из того, о чем я говорю. Ты, мой друг, как раз и принадлежишь к таким людям.

Звонит телефон. Гарри внезапно встает из-за своего столика и начинает новый танец.

КРАПП (заметив его, чрезвычайно властно). Эй, ты! Что ты там делаешь?

ГАРРИ (останавливаясь). Мне пришла только что в голову идея насчет нового танца. Я его отрабатываю. Ник! Ник, телефон звонит.

КРАПП (Маккарти). Он имеет на это право?

МАККАРТИ. Живые существа танцуют с начала времен. Можно сказать даже — жизнь и танец были всегда нераздельны, вплоть до нынешней поры, когда мы имеем... (ГАРРИ.) Ну-ка, станцуй, сынок, покажи, что мы теперь имеем.

ГАРРИ. Я еще целиком его не отработал, но начинается он примерно так. (Танцует.)

НИК (в трубку). Салун, Ресторан и Увеселительное заведение Ника... Здравствуйте. Ник у телефона... (Слушает.) Кого? (Оборачивается.) Есть здесь какой-то Дадли Боствик?

ДАДЛИ (вскакивает с места и идет к телефону. В трубку). Алло!.. Элси?.. (Слушает.) Придешь?.. (Ликующе, всем присутствующим.) Она придет... (Пауза.) Нет, я не буду пить... Ах, боже мой, Элси! (Вешает трубку, удивленно оглядывается, словно только что появился на свет. Расхаживает вокруг, расставляя на место стулья, прикасаясь то к одному, то к другому предмету.)

МАККАРТИ (Гарри). Бесподобно. Бесподобно.

ГАРРИ. Потом я делаю вот такое довольно простенькое коленце. (Показывает.)

КРАПП. По-твоему, это хорошо, Мак?

МАККАРТИ. Ужасно, но добросовестно и честолюбиво, как и все иное в нашей великой стране.

ГАРРИ. Затем перехожу вот к чему. (Показывает.) А теперь — самое главное. (Заканчивает танец.)

МАККАРТИ. Изумительно. Блистательный показ состояния, в котором ныне пребывают тела и души американцев. Сынок, ты гений.

ГАРРИ (восхищенный, жмет руку Маккарти). Вечером я впервые появлюсь перед зрителями.

МАККАРТИ. Они будут очарованы. Где ты учился танцевать?

ГАРРИ. Никогда в жизни не взял ни одного урока. Я рожденный танцор. И комик.

МАККАРТИ (удивленный). Ты умеешь смешить людей?

ГАРРИ (туповато). Смешить-то я умею, но они никогда не смеются.

МАККАРТИ. Странно. Почему же?

ГАРРИ. Не знаю. Не смеются, и все.

МАККАРТИ. Ты бы не смог сейчас рассказать что-нибудь веселенькое?

ГАРРИ. Я как раз обдумываю новый монолог. Мне бы хотелось попробовать его.

МАККАРТИ. Прошу тебя. Обещаю, если он будет смешным, хохотать во все горло.

ГАРРИ. Вот он. (Начинает с большой энергией.) Я — в ресторанчике Шарки на Тэрк-стрит. Без четверти девять по летнему времени. Среда, одиннадцатое число. В наличности у меня — головная боль и пятицентовая монетка выпуска восемнадцатого года. В помыслах у меня — чашка кофе. Если я истрачу свой пять центов на кофе — домой мне придется идти пешком. Положение пиковое. Джордж-грек и Педро-филиппинец дуются в карты. На мне — лохмотья. На них — тридцатипятидолларовые костюмы, сшитые на заказ. У меня нет даже сигареты. Они курят гаванские сигары. Джордж-грек в пиковом положении. Пики — козыри, а он без пик. Если я выпью чашку кофе, мне захочется еще одну. Что такое? Джордж-грек прикупает. Бац! В чем дело? Выбрасывает козыря. Берет взятку. Еще. Еще. А что делаю я? Не знаю, что делать. Выхожу за дверь. Покупаю газету. За каким дьяволом нужна мне газета? Мне нужна чашка горячего кофе и хорошая подержанная машина. Выхожу и покупаю газету. Завтрашняя газета. Четверг, двенадцатое. Может, заголовки обо мне? Бросаю взгляд. Нет. Заголовки не обо мне. Заголовки о Гитлере. Он за семь тысяч миль отсюда. А я здесь. Кто он такой, этот Гитлер, черт его побери? Кто в пиковом положении? Оглядываюсь. Все в пиковом положении. Весь мир в пиковом положении.

Молчание. Крапп направляется к Гарри, словно собираясь арестовать его. Гарри пятится к двери.

МАККАРТИ (останавливает Краппа. Гарри). Ничего смешнее я отроду не слыхивал. Да, по правде сказать, и не видывал.

ГАРРИ (подходит к Маккарти). Почему же вы тогда не смеялись?

МАККАРТИ. Сам не могу понять.

ГАРРИ. Вот и всегда так: я придумываю какую-нибудь шутку, а никто не смеется.

МАККАРТИ (глубокомысленно). Может, это оттого, что ты невзначай наткнулся на новый вид шуток,

ГАРРИ. Да какой же в них прок, если никто не смеется?

МАККАРТИ. Смех, сынок, бывает разный. Могу тебе честно сказать: мне вот, например, сейчас смешно, но вслух я не смеюсь.

ГАРРИ. А я хочу слышать, как смеются. Хочу, чтобы смеялись вслух. Поэтому-то я все придумываю и придумываю всякие потешные истории.

МАККАРТИ. Со временем их, может, и оценят. Пошли, Крапп. До свиданья, Джо.

Маккарти и Крапп уходят.

ДЖО. До свиданья. (После краткой паузы.) Послушайте, Ник.

НИК. Да?

ДЖО. Ставьте в последнем заезде на Маккарти.

НИК. Вы что, спятили? Совсем никудышная лошаденка.

ДЖО. Ставьте все, что у вас есть, на Маккарти.

НИК. Я на нее не поставлю и пяти центов. Сами ставьте на Маккарти все, что у вас есть.

ДЖО. Мне деньги не нужны.

НИК. Почему это вы думаете, что Маккарти победит?

ДЖО. Ее ведь кличка Маккарти?

НИК. Маккарти. Ну и что?

ДЖО. Лошадь по кличке Маккарти победит, и никаких! Сегодня!

НИК. Почему?

ДЖО. Делайте, что я вам говорю, и все будет в порядке.

НИК. У Маккарти язык здорово подвешен, вот и все. (Пауза.) А где Том?

ДЖО. Скоро придет. Расстроенный, несчастный, но придет. Минут через пять или десять.

НИК. Надеюсь, вы не поверили этой девчонке, Китти? Насчет того, что она была артисткой.

ДЖО (отчетливо). Я склонен скорее поверить мечте, чем статистике.

НИК (припоминая). А в ней и впрямь есть что-то такое. Назвала меня дантистом.

Входит Том, растерянный и встревоженный. Оглядывается вокруг и быстро идет к столику Джо.

ДЖО. В чем дело?

ТОМ. Вот твои пять долларов. У меня снова горе. Тошно мне, Джо.

ДЖО. Если эта тошнота неорганическая — она пройдет сама. Если органическая — ее излечит наука. Тебе как тошно — органически или неорганически?

ТОМ. Не знаю, Джо. (Он, видимо, в полном отчаянии.)

ДЖО. Из-за чего ты мучаешься? Мне надо послать тебя кое за чем.

ТОМ. Из-за Китти.

ДЖО. Что с ней?

ТОМ. Она плачет у себя в комнате.

ДЖО. Плачет?

ТОМ. Ага. Вот уже целый час. Я все это время заговариваю с ней и заговариваю, а она не перестает.

ДЖО. О чем она плачет?

ТОМ. Не знаю. Я не могу ничего понять. Она все только плачет и рассказывает мне о каком-то большом доме, и об овчарках, и о цветах, и об одном своем брате, который умер, и о другом брате, который пропал где-то. Я не могу этого вынести, Джо. Я не могу видеть, как она плачет.

ДЖО. Ты хочешь жениться на этой девушке?

ТОМ (кивая). Да.

ДЖО (заинтересованно и искренне). Почему?

ТОМ. Я и сам точно не знаю. (Пауза.) Мне невтерпеж сознавать, что она... ходит по улицам. Я ее, наверно, люблю, Джо, вот и все.

ДЖО. Она хорошая девушка.

ТОМ. Она как ангел, Джо. Она совсем не такая, как те другие, что ходят по улицам.

ДЖО (быстро). На-ка вот, держи все эти деньги и беги рядышком, к Франки. Поставь их на Маккарти. В ординаре.

ТОМ (быстро). Все эти деньги? На Маккарти?

ДЖО. Да. Побыстрей.

ТОМ (бежит к двери). Ах, Джо. Если Маккарти победит, мы разбогатеем.

ДЖО. Беги скорее.

Том выбегает, едва не столкнувшись в дверях с возвращающимся Арабом. Ник, не говоря ни слова, наливает Арабу кружку пива.

АРАБ. Нет устоев. Нигде. Во всем мире. Нет устоев. Все идет прахом.

НИК (сердито). Маккарти! Если вам утром повезло, это еще не резон, чтобы входить в раж и выбрасывать восемьдесят долларов.

ДЖО. Он хочет жениться на ней.

НИК. А что, если она не захочет за него выйти?

ДЖО (удивленный). Ах да. (Размышляя.) А почему бы ей, собственно, и не захотеть? Такой славный парень.

НИК. Она была артисткой. Ее засыпали цветами короли из Европы. Ее приглашали обедать самые высокопоставленные, самые знатные юноши. Том ей вовсе не пара.

ТОМ (вбегает. Он в отчаянии). Заезд уже начался, когда я вошел. Фрэнки не принял ставки. Маккарти шел сзади до по-

следней прямой. Я уже был рад, что мы сберегли наши денежки. А потом он рванулся и выиграл: обогнал всех на два корпуса.

ДЖО. Сколько за него платили — пятнадцать к одному?

ТОМ. Еще больше, но Фрэнки не принял ставки.

НИК (швыряя через комнату посудное полотенце). А, чтоб тебя!

ДЖО. Давай деньги.

ТОМ (отдавая деньги). У нас было бы почти полторы тысячи.

ДЖО (скучаяще, небрежно, придумывая на ходу). Ступай в магазин Швабахера и купи мне карту Европы. Самую большую, какая только у них найдется. На обратном пути зайдешь в какую-нибудь комиссионную лавчонку на Третьей стрит и купишь револьвер получше. И несколько патронов к нему.

ТОМ. Она плачет у себя в комнате, Джо.

ДЖО. Ступай, купи мне все это.

НИК. Вы что собираетесь делать: взглянуть на карту, а потом выйти и пристрелить кого-нибудь?

ДЖО. Хочу посмотреть названия европейских городов, рек, гор я долин.

НИК. А револьвер зачем?

ДЖО. Хочу изучить его. Интересуюсь, как устроены вещи. Вот тебе двадцать долларов, Том. Ступай за покупками.

ТОМ. Большая карта Европы и револьвер.

ДЖО. Выбери получше. Скажи продавцу, что не разбираешься в оружии и доверяешь ему. Больше десяти долларов не плати.

ТОМ. Что это ты задумал, Джо? Что это за глупые шуточки с револьвером?

ДЖО. Смотри, чтобы тебе не всучили плохого,

ТОМ. Джо...

ДЖО (раздраженно). Что, Том?

ТОМ. Зачем ты меня все время посылаешь за всякими идиотскими вещами?

ДЖО (с гневом). Никакие они не идиотские. Сказано: ступай!

ТОМ. А как же Китти, Джо?

ДЖО. Пусть выплачется. Ей это полезно.

ТОМ. Если она придет тут без меня, поговори с ней, Джо, ладно? Расскажи ей обо мне.

ДЖО. Хорошо, ступай. Заряжать револьвер не надо. Купишь и принесешь сюда.

ТОМ (идет к двери). С чего это я стал бы его заряжать? Очень надо!

ДЖО. погоди минутку. Унеси эти игрушки.

ТОМ. Куда унести?

ДЖО. Отдай их какому-нибудь малышу. (Подумав.) Нет, отнеси их лучше Китти. Я как-то раз перестал плакать при виде игрушек. Поэтому я тебя за ними и посылал. Мне хотелось выяснить, чем это они меня успокоили. Они мне тогда показались, помню, ужасно глупыми.

ТОМ. Ты не шутишь, Джо? Ты правда хочешь, чтобы я отнес их Китти? Думаешь, они успокоят и ее?

ДЖО. Быть может. Они так хитро устроены, что, заинтересовавшись ими, забываешь о причине плача. Для того они и нужны.

ТОМ. Ну да, конечно. Продавщица удивилась, зачем мне игрушки. Вот я и отнесу их Китти. (Трагически.) Она как маленькая девочка. (Уходит.)

УЭСЛИ. Мистер Ник, можно мне еще поиграть?

НИК. Конечно. Играй сколько влезет, пока я не остановлю.

УЭСЛИ. Вы собираетесь платить мне за то, что я играю?

НИК. Конечно. Ты будешь неплохо зарабатывать.

УЭСЛИ (с изумлением и восторгом). Подумать только! Зарабатывать игрой на пианино! (Подходит к фортепьяно и начинает негромко играть.)

Гарри взбирается на сцену и прислушивается к мелодии. Начинает танцевать, мягко шаркая подошвами.

НИК. Из-за чего вы тогда плакали?

ДЖО. Из-за матери.

НИК. Что с ней случилось?

ДЖО. Умерла. Мне дали игрушки, и я перестал плакать.

Входит мать Ника, проворная, маленькая старушка лет шестидесяти, одетая в скромное черное платье. Лицо ее сияет радостью, Ник тоже счастлив видеть ее.

Мать Ника (по-итальянски, громко, жестикулируя). Все в порядке, Ники?

НИК (по-итальянски). Конечно, мама.

Они громко тараторят о своих семейных делах, после чего мать Ника уходит так же весело и шумно, как вошла.

ДЖО. Кто это?

НИК (горделиво и чуть грустно). Моя мать. (Все еще глядит на качающуюся дверь.)

ДЖО. Что она сказала?

НИК. Ничего. Просто хотела меня видеть. (Пауза.) Для чего вам этот револьвер?

ДЖО. Изучаю, как устроены вещи.

Неторопливо и степенно входит старик, который выглядит так, словно в давние времена он был Китом Карсоном. Обходит помещение и наконец останавливается у столика Джо.

КИТ КАРСОН. Зовут Мерфи. Старый траппер. Присяду?

ДЖО. Располагайтесь. Что будете пить?

КИТ КАРСОН (садится). Пиво. Как и всегда. Благодарствую.

ДЖО (Нику). Кружку пива, Ник.

Ник подает на столик кружку пива.

КИТ КАРСОН (осушив ее одним глотком, утирает тыльной стороной правой ладони свои большие белые усы. Беря быка за рога). Вряд ли вы когда-нибудь были влюблены в карлицу весом тридцать девять фунтов?

ДЖО (приглядываясь к нему). Действительно, не был, но выпейте еще пива.

КИТ КАРСОН (интимно). Благодарствую, благодарствую. Двадцать лет назад в Гэллапе. Явился в город парень по имени Руфус Дженкинс. Привел шесть белых лошадей и двух черных. Ищу, говорит, кого-нибудь, чтобы объездить мне лошадей. Сам не могу — левая нога деревянная. Встретились в мелочной лавке Паркера и затеяли драку — я и Генри Уолпол. Проломил ему башку медной плевательницей и удрал в Мексику. Но он не умер. Ни бельмеса не знал по-ихнему. Взял к себе скотовод по имени Диего — учился в Калифорнии. Шпарил по-нашему лучше, чем мы с вами. Твое, говорит, дело, Мерф, откормить мне этих быков, чтобы получили премию. Ладно, говорю, чем откормить? Сеном, говорит, салатом, солью, пивом и аспирином. Через два дня подрались из-за аккордеона. Сказал, будто я украл его. А я его одолжил. Треснул его аккордеоном по башке. Аккордеон — вдребезги, лучший аккордеон в мире. Жаль. Вскочил на лошадь и махнул обратно через границу. Техас. Ввязываюсь в разговор с одним типом — на вид вроде честный. Оказалось, сыщик — меня искал.

ДЖО. Вы говорили о карлице весом тридцать девять фунтов.

КИТ КАРСОН. Разве забуду я когда-нибудь эту даму? Век буду помнить эту миниатюрную амазоночку.

ДЖО. Век?

КИТ КАРСОН. Даже если доживу до шестидесяти.

ДЖО. Шестидесяти? Вам и сейчас на вид больше шестидесяти.

КИТ КАРСОН. Следы невзгод на лице. Невзгод и лишений. Три месяца назад стукнуло пятьдесят восемь.

ДЖО. Тогда все понятно. Расскажите-ка еще что-нибудь.

КИТ КАРСОН. Говорю этому типу из Техаса: зовут — Ротстайн, горный инженер из Пенсильвании, ищу местечка по-выгоднее. Дал два адреса в Хаустоне. Как-то рано поутру чуть не лишился глаза, спускаясь по лестнице. Напоролся на верзилу шести футов ростом, с железной клешней вместо правой руки. Ты, говорит, разрушил мой семейный очаг. Нездешний, говорю, только приехал в Хаустон. Собрались девчонки сверху, на лестнице, — полюбоваться дракой. Семеро. Шесть футов и железная клешня. Хоть кому подействует на нервы. Вмазал ему по челюсти, когда он замахнулся, чтобы треснуть меня клешней по башке. Лишился бы глаза, если б не быстрота соображения. Скатился в сточную канаву, достает револьвер. Стреляет семь раз. А я уж наверху — взлетел по лестнице. Через час выхожу, переодетый, в шелку и перьях, на лицо надвинута шляпа. Гляжу: стоит на углу — ждет. Прогуляемся, говорю, мужчина. Нет, говорит, неохота. Иду по улице и выхожу из города. Вряд ли вам когда доводилось надевать женское платье, чтобы спасти шкуру?

ДЖО. Никогда не доводилось. И не был я никогда влюблен в карлицу весом тридцать девять фунтов. Еще пива?

КИТ КАРСОН. Благодарствую. (Выпивает залпом кружку пива.) Пробовали когда-нибудь пасти коров на велосипеде?

ДЖО. Нет, как-то не приходилось.

КИТ КАРСОН. Покинул Хаустон с шестьюдесятью центами в кармане — подарок девчонки по имени Люсинда. Прошел четырнадцать миль за четырнадцать часов. Огромный домище, весь за колючей проволокой, и здоровенные псы. Не терпел их никогда. Прошел все-таки за калитку — голод и жажда заставили. Псы вскочили — и на меня. Иду прямо на них и с каждой секундой — на год старше. Подхожу к двери, стучу. Здоровенная негрятка открывает и сразу захлопывает. Ступай, говорит, прочь, оборванец. Снова стучу. Ступай, говорит, прочь. Снова. Прочь. Снова. На этот раз сам старик открывает. Девяносто, а то и больше. Да еще дробовик со спиленным стволом. Не бойся, говорю, папаша, на рожон не полезу. Хочу есть и пить, зовут Кэвено. Впустил, приготовил мятный пунш — для обоих. Живешь здесь, говорю, один, папаша? Пей, говорит, и не задавай вопросов. Может, один, а может, и нет. Хозяюку видал? Соображай сам. Приходилось об этом слышать, но из такта смолчал — не подмигнул даже. Вряд ли поверили бы мне, если б сказал, что этот старый джентльмен с юга был моим дедушкой?

ДЖО. Может, и поверил бы.

КИТ КАРСОН. Оно так вышло, что он им не был. А жаль — было бы романтично.

ДЖО. Где вы пасли коров на велосипеде?

КИТ КАРСОН. В Толедо, штат Огайо, в восемнадцатом.

ДЖО. Толедо, штат Огайо? Там не пасут коров.

КИТ КАРСОН. Теперь не пасут. Пасли в восемнадцатом. Один-то, во всяком случае, пас. Бухгалтер по имени Сэм Слиток. Прямехонько из Нью-Йорка, с Ист-Сайда. Сомбреро, лассо, пистолет, две головы скота и два велосипеда. Назвал свое ранчо «Золотой Слиток» — два акра, у самого города. Была в том году война — помните?

ДЖО. Помню, но как вы пасли этих двух коров на велосипеде? Трудно, наверно, было?

КИТ КАРСОН. Ничего нет легче. Ездил без руля. А то как бы бросать лассо? Работал у Сэма, пока коровы не разбежались. Велосипеды их напугали. Удрали в Толедо. Никогда их больше не видел. Дал объявления во все газеты, но так они к нему и не вернулись. Чуть не умер с горя. Продал оба велосипеда и вернулся в Нью-Йорк. Взял четыре туза из колоды с красной рубашкой и пошел в город. Покер. Один из игроков, по имени Чак Коллинз,— азартный парень. Слабо, говорю с улыбкой, поставить сто долларов, что при следующей сдаче у меня на руках не будет четырех тузов. Принял. Мои карты были с красной рубашкой. Другие — с синей. Совсем позабыл. Показываю четыре туза. Туз-пик, туз-треф, туз-бубен и туз-червей. Не забуду этих четырех карт, если даже доживу до шестидесяти. Был бы убит на месте, если б не ураган.

ДЖО. Ураган?

КИТ КАРСОН. Неужто забыли толедский ураган восемнадцатого года?

ДЖО. Не было в Толедо урагана ни в восемнадцатом, ни в каком другом году.

КИТ КАРСОН. Господи ты мой боже, а что же это, по-вашему, там бушевало? И как бы я тогда очутился вдруг в Чикаго и шагал бы как во сне по Стейт-стрит?

ДЖО. Может, с перепугу?

КИТ КАРСОН. Нет, не поэтому. Поройтесь в газетах за ноябрь восемнадцатого и, уверен, найдете об урагане в Толедо. Сижу, помню, на крыше двухэтажного домика, и несет меня ураган на северо-запад.

ДЖО (серьезно). На северо-запад?

КИТ КАРСОН. Послушай, сынок, неужто ты тоже хочешь сказать, что не веришь мне?

ДЖО (после паузы. Очень серьезно, твердо и резко). Разумеется, я вам верю. Жизнь — искусство, а не бухгалтерия. Чтобы стать самим собой, надо немало порепетировать.

КИТ КАРСОН (задумчиво, удивленно, с улыбкой). Вы первый, кто мне поверил.

ДЖО (серьезно). Выпейте еще пива.

Входит Том с атласом, револьвером и коробкой патронов. Кит Карсон подходит к стойке.

(Тому.) Отнес ей игрушки?

ТОМ. Отнес.

ДЖО. Перестала плакать?

ТОМ. Нет. Заплакала еще сильнее.

ДЖО. Странно. Интересно почему.

ТОМ. Джо, если бы я поспел минутой раньше, Фрэнки принял бы ставку и у нас теперь было бы почти полторы тысячи долларов. Сколько бы ты мне из них дал?

ДЖО. Если бы она вышла за тебя — все.

ТОМ. Правда, Джо?

ДЖО (разворачивает покупки, рассматривает атлас, затем револьвер). Конечно. Ты единственный подданный в моем королевстве. Заботиться о благоденствии подданного — моя обязанность.

ТОМ. Как ты думаешь, Джо, может еще так случиться когда-нибудь, что мы снова сумеем поставить на скачках восемьдесят долларов, и чтоб платили при этом за нашу лошадку пятнадцать к одному, и чтоб погоди была хорошая, дорожка плотная, и чтоб старт они взяли хороший, и чтоб наша лошадка шла позади до последней прямой, и чтоб мы уже оплакивали наши денежки, и чтоб потом она рванулась и победила? А?

ДЖО. Я тебя не совсем понимаю.

ТОМ. Ты знаешь, о чем я думаю.

ДЖО. Ты думаешь о невозможном. Нет, Том, вторично так случиться не может. Мы просто чуть-чуть запоздали, вот я все.

ТОМ. Может, Джо. Может.

ДЖО. Едва ли.

ТОМ. Так как же я тогда раздобуду денег, чтобы жениться на ней?

ДЖО. Не знаю, Том. Может, и не раздобудешь.

ТОМ. Я должен жениться на Китти, Джо. (Качая головой.) Если бы ты только видел, в какой комнате она живет.

ДЖО. Что это за комната?

ТОМ. Крохотная. Тесная, как клетка. Скверная комната, Джо. Китти не должна там жить.

ДЖО. Ты хочешь, чтобы она уехала оттуда?

ТОМ. Да. Я хочу, чтобы она жила в доме, где будет достаточно места, чтобы жить. У нее должен быть сад или что-нибудь в этом роде.

ДЖО. Ты хочешь взять на себя заботу о ней?

ТОМ. Конечно, Джо. Мне нужно взять на себя заботу о ком-нибудь хорошем, тогда я и сам почувствую себя хорошим.

ДЖО. Значит, тебе надо найти работу. Что ты умеешь делать?

ТОМ. Я окончил среднюю школу, но что умею делать — не знаю.

ДЖО. А что бы тебе хотелось делать?

ТОМ. Посиживать где-нибудь вроде тебя, Джо, и иметь кого-нибудь на побегушках, и попить шампанское, и поплевать на все вокруг, и никогда не думать о деньгах.

ДЖО. Честолюбивое и благородное желание.

НИК (Джо). А вам-то самому как это удастся?

ДЖО. Трудно сказать, но полагаю, для этого надо вступить в тесные взаимоотношения с господом богом.

НИК. Не понимаю я этих ваших разговорчиков.

ТОМ. Может, мне вернуться к ней, Джо, и снова попытаться успокоить?

ДЖО. Помоги мне встать, я пойду с тобой.

ТОМ (в изумлении). Что? Ты уже хочешь подняться?

ДЖО. Плачет, говоришь?

ТОМ. Плачет. Еще сильнее, чем прежде.

ДЖО. Я думал, игрушки ее успокоят.

ТОМ. Я привык, что ты сидишь, не вставая, на одном месте с четырех утра до двух следующего утра.

ДЖО. Ты ведь знаешь, ходок из меня неважный. Дело только в этом. Дай-ка мне руку. Я придумаю какой-нибудь способ успокоить ее.

ТОМ (помогая ему подняться). Я никогда не говорил тебе об этом, Джо, но ты совсем не такой, как другие.

ДЖО (быстро и чуть сердито). Не пори ерунду. Я просто не знаю, как устроена жизнь. Пытаюсь понять. (Он слегка пьян. Выходит вместе с Томом.)

Уэсли играет на пианино, в то время как свет медленно меркнет и так же медленно снова загорается, обозначая начало третьего действия.

Действие третье

Дешевенькая кровать условно обозначает гостиничный номер. Кровать может стоять либо в центре, либо на подмостках эстрады. Пивная выглядит как обычно, но все безмолвны, неподвижны. И неразличимы в темноте, за исключением Уэсли, который негромко играет на пианино какую-то грустную мелодию. На кровати сидит Китти Дюваль, одетая в платье, которое носила еще в ранней молодости, в Огайо. Она влетает ленту в волосы, глядя на себя в ручное зеркальце. Ей больно видеть, какой она стала; разгневанная и опеча-

ленная, она выдергивает из волос ленту, берет с кровати книгу и пытается читать. Начинает всхлипывать, достает свою старую фотографию, рассматривает ее. Плачет еще сильнее, падает на постель, уткнувшись в нее лицом. Стучат — очевидно, в дверь.

КИТТИ (сквозь слезы). Кто там?

ГОЛОС ТОМА. Китти, это я, Том. Со мной Джо.

К кровати неслышно подходит ДЖО, за ним — ТОМ. В руках у Джо довольно большая игрушечная карусель. Смотрит на Китти, затем ставит игрушку на пол, у ножек кровати.

ТОМ (наклонившись к Китти). Не плачьте, Китти. Не плачьте.

КИТТИ (не поднимая лица, плача). Я не могу больше. Лучше умереть, чем так мучиться.

Джо заводит игрушку, которая издает странный, печальный, мелодичный звон. Мелодия звучит сначала медленно, затем убыстряется и постепенно снова опадает. Заинтересованный игрушкой, Джо внимательно наблюдает за ней и прислушивается к мелодии.

ТОМ (оживленно). Китти, Джо встал со своего стула в пивной только для того, чтобы раздобыть вам игрушку и принести сюда. Вот эту, с музыкой. Мы объездили на такси весь город, прежде чем достали ее. Послушайте.

Китти медленно поднимается, садится, слушает. Том не отводит от нее глаз. Все происходит со скорбной медлительностью. Взгляд Китти падает на фотокарточку, где снята она девочкой; она берет ее и снова вглядывается.

(Глядя на фотографию.) Кто эта девочка, Китти?

КИТТИ. Это я. Мне было тогда семь лет. (Передает фотографию Тому.)

ТОМ (смотрит, улыбается). До чего же вы тут хорошенькая, Китти.

Джо протягивает руку. Том передает ему фотокарточку и снова оборачивается к КИТТИ. Она и сейчас кажется ему такой же прелестной, какой была в семь лет. Джо разглядывает фотокарточку. Китти поднимает глаза на Тома. Они по-настоящему влюблены друг в друга — это очевидно. Джо смотрят на них.

КИТТИ. Том!

ТОМ (с готовностью). Да, Китти?

КИТТИ. Кем вы хотели стать, Том, когда были маленьким?

ТОМ (в легком замешательстве, но с той же готовностью).
Что, Китти?

КИТТИ. Вы помните себя маленьким?

ТОМ (подумав). Да, иногда помню.

КИТТИ. Кем вы хотели стать?

ТОМ (взглянув на Джо и перехватив его взгляд, обретает дар речи). Иногда мне хотелось стать машинистом. Иногда — полисменом.

КИТТИ. А я хотела стать великой артисткой. (Смотрит Тому в лицо.) Скажите, Том, а доктором вам никогда не хотелось стать?

ТОМ (снова взглянув на Джо и обретя поддержку в его серьезном, пристальном взгляде). Да, теперь я припоминаю. Конечно, Китти, мне хотелось стать доктором... однажды.

КИТТИ (с грустной улыбкой). Я так рада. Ведь я хотела стать великой артисткой, и чтобы в театр к нам пришел молодой доктор, и чтобы он увидел меня, и чтобы влюбился, и чтобы посылал мне цветы.

Джо делает знаки Тому, советуя ему продолжать.

ТОМ. Я так бы и сделал, Китти.

КИТТИ. А я бы не знала, от кого они, и потом как-то встретила бы его на улице и влюбилась бы. Я так и не знала бы, что это и есть тот, кто любит меня. Я бы думала о нем непрерывно. Я бы о нем мечтала. Я бы мечтала не разлучаться с ним никогда. Я бы мечтала иметь детей, похожих на него. Навсегда оставаться актрисой мне не хотелось бы. Только пока не встречу его и не влюблюсь. А потом мы сели бы в поезд и поехали в красивые города, и повсюду встречали бы чудесных людей, и помогали беднякам, и где бы кто ни заболел, он бы шел к нему и вылечивал.

В замешательстве и смущении Том с тоской смотрит на ДЖО. Китти погружена в воспоминания, она почти в забытьи.

ДЖО (негромко). Поговори с ней, Том. Будь ее чудесным юным доктором, о котором она мечтала и которого так и не встретила. Начинай. Исправляй ошибки жизни.

ТОМ (жалобно). Я не знаю, что сказать ей, Джо.

Какой-то молодой мужчина горланит в коридоре песню: «Ветры и штормы нам нипочем».

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Китти! Эй, Китти!

Китти резко возражает.

Да где же ты, черт побери? Эгей, Китти?

Том в ярости выпрямляется.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (в коридоре). Кого ищешь, матросик?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Самую красивую шлюху на свете.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Куда ты идешь? Вот я.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (с равнодушным презрением). Ты? Нет! Это Китти. Ты старая тухлятина.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (визгливо, злобно). Как ты смеешь? Подонок!

МУЖСКОЙ ГОЛОС (с тем же равнодушием, но громче). Заткнись. По шее хочешь? Закрой дверь! Живо!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Подонок, подонок! Все вы такие!

Дверь захлопывается.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (после громкого и унылого хохота). Эге-гей, Китти! Двадцать первый номер. Где он, этот номер, черт бы его побрал?

ТОМ. Я убью его, Джо.

КИТТИ (уже полностью придя в себя, но страшно испуганная). Кто это? (Долгим и пристальным взглядом смотрит на Тома и Джо.)

Том дрожит от негодования. Джо невозмутим, ни взор его полон глубокой жалости. Китти прячет лицо в постель.

ДЖО (тихо). Выставь его отсюда, Том. Только без шума.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Вот он наконец. Двадцать первый номер. О небо, синее небо. Райское гнездышко. Мы с тобой вдвоем, моя курочка, поцелуй меня, моя курочка. (Трагически.) А, к черту все.

Грустно напевая, к кровати подходит молодой матрос, милостивый парнишка лет двадцати, не больше. Он всего лишь пьян и одинок.

МАТРОС. Привет, Китти. (Пауза.) Ах, гости. Виноват. Тысячу извинений. (КИТТИ.) Приду попозже.

ТОМ (хватает его за плечи, яростно). Попробуй только! Я убью тебя!

Джо удерживает Тома. Том выталкивает перепуганного парнишку.

ДЖО (угрюмо). Останешься с Китти, Том. Я пойду вниз и найму машину. Вернусь через несколько минут. Поедем к океану, посмотрим заход солнца. Потом поедем по шоссе к заливу. Поужинаем там, и вы с Китти сможете потанцевать.

ТОМ (оглушенный, не в силах выразить ни своего изумления, ни благодарности). Ты хочешь сделать это для меня, Джо? Ты сам пойдешь? Меня ты не посылаешь?

ДЖО. Именно так. (Указывает на Китти, давая понять Тому, что с ней надо поговорить, надо уберечь ее чистоту, за которую Том так ее любит и которая в такой опасности, когда Тома нет вблизи. Уходит.)

Том смотрит на КИТТИ. Лицо его мрачнеет и принимает детское выражение. Заводит карусель, прислушивается к ней, наблюдая за Китти, которая приподнимается, глядя только на Тома. Том берет карусель и медленно протягивает ее Китти — так, словно это его собственное сердце. Фортепьянная музыка звучит громче, свет медленно меркнет, слышна быстрая дробь башмаков танцующего ГАРРИ.

Занавес

Действие четвертое

Чуть позже. УЭСЛИ — за пианино. ГАРРИ — на эстраде, танцует. НИК — за стойкой. АРАБ — на своем месте. КИТ КАРСОН спит, уронив голову на руки. ДАДЛИ — у телефона. Входит пьяница. Идет к телефону-автомату поискать, нет ли монетки в выбрасывателе. Ник направляется к пьянице, чтобы вывести его. Пьяница делает знак Нику подождать минутку. Достает из кармана полдоллара и показывает Нику. Ник заходит за стойку и наливают пьянице виски.

ПЬЯНИЦА. За стариков, благослови их боже. (Пьет.) За молодежь, возлюби их, боже. (Пьет.) За... детишек и маленьких животных — ну... за собачек, например, которые не кусаются. (Пьет. Громко.) За лесоразведение. (Ищет деньги. Находит.) За... президента Тафта. (Уходит.)

Звонит телефон.

КИТ КАРСОН (вскакивает, изговаривается к драке). А ну подходи, кому жизнь не дорога. Я никогда не просил милостыню, я всегда давал ее.

НИК (с упреком}. Эй! Кит Карсон!

ДАДЛИ (у телефона). Алло... Кого?.. Ника? Да. Здесь. (Нику.) Вас. Что-то важное, по-моему.

НИК (идет к телефону). Важное? Какое такое важное?

ДАДЛИ. По голосу вроде крупная шишка.

НИК. Крупная — что? (УЭСЛИ и ГАРРИ.) Эй, вы, потише! Дайте-ка мне послушать, что тут важного.

Уэсли перестает играть, Гарри прекращает танец.

КИТ КАРСОН (подходит к Нику). Если я что могу сделать для вас, скажите — сделаю. Мне пятьдесят восемь, три раза был на войне, четыре раза женат, детей — без счета, имен даже не знаю. Денег нет, перебиваюсь со дня на день. Но если я что могу для вас сделать, скажите — сделаю.

НИК (терпеливо). Вот что, папаша, присядь, будь добр, на минутку и всхрапни еще немного. Для меня.

КИТ КАРСОН. Могу и это. (Садится, кладет руки на стол и опускает на них голову. Но ненадолго. Едва только Ник произносит первые слова, поднимает голову, внимательно прислушивается, встает и начинает изображать жестами и мимикой все, о чем говорит НИК.)

НИК (в трубку). Слушаю... (Пауза.) Кто?.. А, понимаю... (Слушает.) Чего вы к ним привязались?.. (Слушает.) Из церкви? Да ну их к дьяволу, я сам католик... (Слушает.) Ладно, не пушу.

Скажу им, чтобы не заходили ко мне денька два... Ну ладно, ладно, все понимаю...

Робко входит Анна, дочь Ника, и, не замеченная им, останавливается у пианино. Смотрит на отца.

Что?.. (С гневом.) Послушайте, осточертел он мне, этот ваш Блик. Он был у меня здесь утром, и я сказал ему, чтобы больше он не приходил. Девчонки сюда не явятся — это моя забота, но и он пусть не является — это уж ваша забота... (Слушает.) Знаю я, что у него шурин занимает какой-то важный пост, но у меня ему делать нечего. Его хлебом не корми, только дай поскандалить. Я не нарушаю никаких законов. Моя пивнушка в самой скверной части города, а за пять лет никого у меня не убили, не ограбили и не обжулили. Я никого не трогаю, и людям у меня вольготно. А с этими хваленными ресторанами там, в центре, у вас каждую ночь хлопот полон рот. (Делает знаки Уэсли, затем, прикрыв трубку ладонью, но продолжая слушать, обращается к нему.) Чего остановился, играй. У меня уши разболелись от этой чепухи. (ГАРРИ.) Танцуй, сынок, танцуй.

Уэсли начинает играть, Гарри танцует.

(В трубку.) Не пушу, не пушу. Только пусть этот Блик не приходит сюда и не устраивает у меня здесь скандалы... (Пауза.) Ладно. (Вешает трубку.)

КИТ КАРСОН. Неприятности?

НИК. Опять эта вонючая полиция нравов. А все эта сволочь, Блик.

КИТ КАРСОН. Он или кто другой — можете на меня рассчитывать. А что сволочного в этой сволочи Бликке?

НИК. Все. С головы до пят и с пят до головы.

АННА (Киту Карсону, с нежностью и гордостью). Это мой отец.

Ее чарующий голос, пленительное личико, сама неожиданность ее появления заставили Кита Карсона подскочить от изумления.

КИТ КАРСОН. Господи боже мой, откуда ты, деточка? Откуда ты, милая? У меня тоже была дочурка, и она даже как-то раз признала меня среди целой толпы.

НИК (удивлен). Анна? Что ты здесь делаешь? А ну марш домой, твое место там. Помоги бабушке приготовить мне ужин.

Анна улыбается отцу, понимая его, зная, что слова его — это слова любви. Идет к двери, все время глядя на него, как бы желая сказать, что хотела бы готовить для него ужин всю свою жизнь. Уходит. Ник смотрит на раскачивающуюся дверь. Кит Карсон делает два-три шага по направлению

к двери. Анна открывает одну половинку двери и просовывает голову, чтобы еще раз взглянуть на отца. Машет ему рукой. Поворачивается и убежит.

НИК (ему взгрустнулось. Он не знает, чем заняться. Берет стакан и бутылку. Наливает немного. Пьет. Мало. Наливает побольше и снова пьет. Про себя). Детка моя родная. Как ты на нее похожа. (Достает платок, подносит его к глазам.)

Кит Карсон подходит вплотную к Нику, всматриваясь ему в лицо.

(Смотрит на Кита Карсона. Громко, едва не заставив его подскочить.) Нет, говоришь, денег?

КИТ КАРСОН. Никогда не было.

НИК. Ладно. Ступай на кухню и помоги Сэму. Потом поешь, а когда вернешься, получишь две кружки пива.

КИТ КАРСОН (приглядываясь к Нику). Сделаю все, что хотите. Хорошего человека я признаю сразу. (Уходит.)

В пивную входит Элси Мандельспигель. Это красивая темноволосая девушка. На ее печальном, мудром и мечтательном лице — выражение сострадания. Кажется, будто она вот-вот заплачет. Походка у нее мягкая и нежная, и всю ее окутывает какая-то мечтательная дымка. Поначалу Дадли не замечает ее, но, когда взгляд его наконец падает на нее, он так потрясен, что едва находит силы двинуться и заговорить. В ее присутствии он совсем иной.словно бы в забытьи, встает он со стула и с печальной улыбкой идет к ней.

ЭЛСИ (глядя на него). Здравствуй, Дадли.

ДАДЛИ (с болью). Элси.

ЭЛСИ. Прости. (Разъясняя.) Так много больных. Вчера вечером умер маленький мальчик. Я люблю тебя, но... (Делает жест, пытаюсь показать, как безнадежна любовь в этом мире.)

Оба садятся.

ДАДЛИ (не отрывая от нее глаз, ошеломленный и притихший). Элси... Если б ты только знала, как я рад, что вижу тебя. Просто — вижу. (Очень искренне.) Я так боялся, что никогда уже тебя не увижу. Я чуть с ума не сошел. Мне жить не хотелось. Правда. (Скорбно качает головой, глядя на Элси с покорным и прекрасным обожанием.)

Входят две проститутки и останавливаются у стойки, неподалеку от ДАДЛИ.

Я все знаю. Ты и прежде мне говорила, но я ничего не могу поделать, Элси. Я люблю тебя.

ЭЛСИ (тихо, скорбно, нежно). Я знаю, что ты меня любить, и я люблю тебя, но разве ты не видишь: любви нет места в нашем мире.

ДАДЛИ. А может, есть, Элси?

ЭЛСИ. Любить могут птицы. У них есть крылья, чтобы улететь, когда наступит время. Тигры в джунглях: они не знают, какой конец их ждет. А мы знаем, какой конец ждет нас. Каждую ночь я вижу, как люди мучаются и умирают. Я слышу их дыхание, слышу, как во сне они плачут, разговаривают, тоскуют. Они тоскуют по свежему воздуху и прозрачной воде, тоскуют по любви и по своим матерям, тоскуют по солнечному свету. Нам не дано познать любовь, познать величие жизни. А как бы хотелось!

ДАДЛИ (глубоко тронутый). Я люблю тебя, Элси.

ЭЛСИ. Ты хочешь жить. И я хочу жить, но где? Куда мы можем уйти от этой жалкой жизни?

ДАДЛИ. Мы найдем куда, Элси.

ЭЛСИ (улыбаясь). Хорошо. Попробуем снова. Снимем номер в дешевой гостинице и вообразим, что мир прекрасен, что жизнь полна любви и величия. Но сможем ли мы утром забыть о наших долгах и обязанностях, о цене, которой надо расплачиваться за всякие смехотворные мелочи?

ДАДЛИ (со слепой верой). Сможем, Элси. Конечно, сможем.

ЭЛСИ. Хорошо, Дадли. Разумеется. Пошли. Пришел час новой ужасной войны. Поспешим, пока не надели на тебя форму, не дали оружия и не послали на убой. (Ласково смотрит на него и берет его руку.)

Он робко, словно боясь сделать ей больно, обнимает ее. Они уходят. Молчание. Затем одна из проституток раздражается смехом.

ПЕРВАЯ ПРОСТИТУТКА. Черт побери, чего только не увидишь у вас в пивной, Ник.

НИК. А что она, на том свете, что ли? Она здесь, на улице, в городе, среди людей. Люди приходят и уходят, приносят с собой все, чем живут, говорят то, что им надо сказать.

ВТОРАЯ ПРОСТИТУТКА. Такие вот, как она, и отбивают у нас хлеб.

НИК (вспомнив). Да, вот что. Звонил Финнеган.

ПЕРВАЯ ПРОСТИТУТКА. А, эта толстая крыса?

ВТОРАЯ ПРОСТИТУТКА. Что ему нужно?

НИК. Денька два-три вам лучше походить по киношкам.

ПЕРВАЯ ПРОСТИТУТКА. А чего там хорошего? Дерьмо одно. (С насмешкой.) Все про любовь да про любовь.

НИК. Дерьмо или не дерьмо, но в ближайшие два дня за вами собираются приударить драконы, так что держитесь отсюда подальше.

ПЕРВАЯ ПРОСТИТУТКА. Никогда не могла устоять перед мужчиной в форме, с дубинкой, значком и пистолетом.

Входит Крапп. Проститутки ставят кружки на стойку.

НИК. Ладно, ладно, идите.

Проститутки идут к выходу и сталкиваются с Краппом.

ВТОРАЯ ПРОСТИТУТКА. Мы уходим, уходим.

ПЕРВАЯ ПРОСТИТУТКА. Мы были раньше манекенщицами.

Обе уходят.

КРАПП (у стойки). Мало им забастовки, так они еще заставили нас прогонять девушек с улицы. Ничего я уже не понимаю. Как хотелось бы мне вернуться домой и переводить за руку детишек через дорогу, когда они возвращаются домой из школы. Мое место там. Я не люблю беспорядков. Дай пива, Ник.

Ник наливает ему кружку.

(Отпивает немного.) Как раз вот сейчас мой лучший друг Маккарти и с ним еще шестьдесят забастовщиков не пускают в порт штрейкбрехеров, которые хотят разгрузить сегодня вечером «Мэри Люкенбах». Никогда не пойму, какого черта Маккарти стал докером, а не профессором.

НИК. Ковбои и индейцы, полисмены и бандиты, докеры и штрейкбрехеры...

КРАПП. И ведь все хотят одного: счастья. Хотят заработать на жизнь, содержать семью, воспитывать детей, спокойно спать. Ходить в кино, выезжать за город по воскресеньям. Хорошие ведь все люди, откуда же тогда эти беды? И ведь ничего им другого не надо, как только выпутаться из долгов и посиживать себе спокойно у приемника. Так какого же дьявола, они вечно враждуют друг с другом? Я обдумал все это, Ник, и знаешь, что мне кажется?

НИК. Не знаю. Что?

КРАПП. По-моему, мы все свихнулись. Мне это пришло в голову, когда я шел к двадцать седьмому пирсу. Оглушило вдруг, точно кирпичом. Раньше со мной никогда не бывало такого. Ты только подумай: живем мы в таком чудесном мире, и все вокруг нас так чудесно, а вот погляди на нас. Ты только погляди на нас. Мы свихнулись. Мы спятили. У нас есть все, а мы точно с жиру бесимся и недовольны чем-то.

НИК. Твоя правда, Крапп, мы свихнулись. И все-таки нам ничего не остается, как только жить всем вместе. (Показывает на посетителей пивной.)

КРАПП. И нет никакой надежды. Полицейскому, наверно, не положены такие мысли, но что я могу поделаться, если они сами лезут мне в голову. Откуда в нас вся эта мерзость? Ведь жизнь так хороша. Как это чудесно— проснуться поутру, и выйти прогуляться, и вдохнуть запах деревьев, и поглядеть вокруг, и увидеть детишек, идущих в школу, и облака на небе. Да просто так походить и посвистеть какую-нибудь песенку, а может, и спеть что-нибудь — разве это не чудесно? Жизнь так прекрасна. Откуда же все эти беды?

НИК. Не знаю. Откуда?

КРАПП. Мы свихнулись, в этом все дело. В нас больше нет добра. Все везде прогнило. Бедные девчушки торгуют собой. Два года назад они еще учились в школе. Все спешат заграбастать побольше денег. Играют на скачках. Никому неохота прогуляться потихоньку по берегу. Всем нужны волнения, драки, убийства. Я не хочу больше быть полицейским, Ник. Пусть кто другой поддерживает законность и порядок. Это у нас в управлении так говорят. Тридцать семь лет мне, а все не привыкну к этой болтовне. Боюсь вот только, жена подымет крик.

НИК. А, жена.

КРАПП. Она чудесная женщина, Ник. У нас двое замечательных мальчишек. Двенадцати и семи лет.

Араб встает и подходит ближе прислушиваясь.

НИК. Я этого не знал.

КРАПП. Вот то-то и оно. Но что мне делать? Вот уж семь лет, как я хочу уйти со службы. Я хотел уйти еще в тот самый день, как меня начали муштровать в училище. Но не ушел. Где мне найти работу, если я уйду? Где я тогда буду раздобывать деньги?

НИК. Вот на этом-то мы все и свихнулись. Раздобывать деньги там, где мы их раздобываем сейчас,— нам обычно не по душе. А где их еще раздобыть — не знаем.

КРАПП. Бывает порой, я чувствую себя подлецом: ненавижу людей только за то, что они бедствуют, голодают, болеют, пьянствуют. А когда у себя в управлении встречаюсь с каким-нибудь надутым ничтожеством, я вдруг любезен с ним, стараюсь ему угодить. Кому? Человеку, которого я презираю. И сам себе я противен. (Решительно.) Уйду. Конечно. Уйду, и все. Отдам им форму вместе со всеми этими побрякушками. Не хочу больше участвовать в этом. Ведь жизнь так хороша. Для чего же враждовать людям? Для чего?

АРАБ (спокойно, тихо, твердо). Нет устоев. Все идет прахом.

КРАПП. Что?

АРАБ. Нет устоев. Нет устоев.

КРАПП. И я бы сказал — нет устоев.

АРАБ. Все идет прахом.

КРАПП (Нику). Он что, ничего больше не говорит?

НИК. На этой неделе — ничего.

КРАПП. А кто он такой?

НИК. Араб или что-то в этом роде.

КРАПП. Нет, я хочу сказать, чем он занимается?

НИК (Арабу). Чем вы занимаетесь, брат?

АРАБ. Работаю. Всю жизнь работаю. Работаю всю жизнь. Мальчиком — работал. Стариком — работаю. На родине — работал. На чужбине — работаю. В Нью-Йорке. Питтсбурге. Детройте. Чикаго. Сан-Франциско. Работаю. Милостыню не прошу. Работаю. Для чего? Не для чего. Три сына на родине. Двадцать лет не видел. Пропали? Умерли? Кто знает? Что. Нечто. Ничто. Нет устоев. Все идет прахом.

КРАПП (Нику). А что он говорил на той неделе?

НИК. Ничего не говорил. Играл на гармонике.

АРАБ. Песню играл. Моей родины. (Достает из заднего кармана губную гармонику.)

КРАПП. Хороший вроде старик?

НИК. Другого такого не сыщешь.

КРАПП (с горечью). Но тоже свихнулся. Как и все остальные. Буйнопомешанный.

Уэсли и Гарри давно перестали играть и танцевать. Они сели за столик и, поговорив немного, принялись за карты. Когда Араб начинает играть на гармонике, они оставляют карты и слушают.

УЭСЛИ. Слышишь?

ГАРРИ. Вот это да!

УЭСЛИ. Слышишь, как она плачет? Как плачет!

ГАРРИ. Я хочу заставить людей смеяться.

УЭСЛИ. Слышишь, какой глубокий, глубокий плач. Этому плачу тысяча лет. Это плач издалека, за пять тысяч миль.

ГАРРИ. Как думаешь, сможешь это сыграть?

УЭСЛИ. Мне хотелось бы это спеть, но петь я не умею.

ГАРРИ. Попробуй сыграй. А я станцую.

Уэсли подходит к пианино и, внимательно прислушиваясь, начинает негромко аккомпанировать гармонике. Гарри взбирается на подмости и после нескольких попыток начинает танцевать под

мелодию Араба. Крапп и Ник молчат, глубоко тронутые.

КРАПП (тихо). Все это не то, Ник.

НИК. Мммм?

КРАПП. Что я тут говорил. Забудь об этом.

НИК. Ладно.

КРАПП. Находит на меня иногда.

НИК. Поговорили, и все.

КРАПП (снова полисмен, громко). Не пускай сюда девчонок.

НИК (громко и дружелюбно). Не беспокойся.

Музыка и танец теперь в самом разгаре.

Занавес

Действие пятое

Вечер. В течение всего действия слышны сирены, оповещающие о местонахождении кораблей в тумане.

Входят джентльмен в вечернем костюме и котелке и леди, также в вечернем туалете.

Уилли — по-прежнему у игорного автомата. Ник — за стойкой. ДЖО за своим столиком рассматривает атлас с картами европейских стран. На столике, рядом с бокалом, — коробки с револьвером и патронами. Выражение лица у Джо спокойное и умиротворенное, шляпа сдвинута на затылок. Том, облокотившись о стойку, мечтает о любви и о Китти. Араба нет. Уэсли и Гарри нет. Кит Карсон смотрит, как Уилли играет в шарики.

ЛЕДИ. Зайдем, прошу тебя.

Джентльмен следует за ней с кислой миной. Они занимают столик. Ник подает им меню.

С улицы доносится гимн, распеваемый членами Армии спасения. Пение сопровождается большим барабаном, бубнами и корнетом. Исполняется гимн «Кровь агнца». Слова и музыка едва-едва слышны и производят комическое впечатление. Затем следует покаяние старого грешника. Это пьяница. Слова его не вполне вразумительны, но в смысле их ошибиться невозможно. Он спасен. Он не желает больше грешить. И так далее.

ГОЛОС ПЬЯНИЦЫ (он пьян в стельку. В порыве покаяния). Братья и сестры. Я был грешником. Я жевал табак и соблазнял женщин. О, как я грешил, братья и сестры. А теперь я спасен. Спасен Армией спасения, да простит меня бог.

ДЖО. Посмотрим. Вот город. Прибор. В Чехословакии. Милая маленькая беззащитная Чехословакия. Интересно, что он собой представляет, этот Прибор? (Взывает.) Прибор! Прибор!

Том вскакивает.

ЛЕДИ. Что это с ним?

ДЖЕНТЛЬМЕН (поджимая ноги, словно ему необходимо пойти в мужскую комнату). Пьян.

ТОМ. Кого ты зовешь, Джо?

ДЖО. Прибор.

ТОМ. Кто он такой, этот Прибор?

ДЖО. Чех. И словак. Чехословак.

ЛЕДИ. Как интересно.

ДЖЕНТЛЬМЕН (распрямляя ноги). Он пьян.

ДЖО. Прибор — это город в Чехословакии, Том.

ТОМ. А-а-а. (Пауза.) Ты был к ней очень добр, Джо.

ДЖО. К Китти Дюваль? Она одна из самых замечательных женщин во всем мире.

ТОМ. Я тебе очень благодарен, Джо, за то, что ты нанял машину и повез нас по берегу до самого залива.

ДЖО. Эти три часа были самыми радостными, самыми грустными и самыми прекрасными во всей моей жизни.

ТОМ. Почему, Джо?

ДЖО. Почему? (Повышая голос.) Потому что я изучаю жизнь, Том. (Спокойно.) Я изучаю жизнь. Изучаю, как все устроено. Все. Все. И когда в своих поисках я обнаруживаю красоту — обнаруживаю там, где, судя по всему, могли бы гнездиться — только грязь или смерть, — я постигаю всю меру добра в нашей жизни. И постичь это — приятно. Это истина, в которой я всегда буду стараться удостовериться.

ЛЕДИ. Ты убежден, что он пьян?

ДЖЕНТЛЬМЕН (поджимая ноги). Он либо пьян, либо попросту безумен.

ТОМ. Джо.

ДЖО. Да.

ТОМ. Ты не рассердишься?

ДЖО (нетерпеливо). В чем дело, Том?

ТОМ. Откуда у тебя столько денег, Джо? Ты заплатил за машину. Заплатил за ужин и две бутылки шампанского в ресторане у залива. Ты велел Китти выехать из гостиницы «Нью-Йорк», тут за углом, и переселиться в гостиницу святого Франциска на Пауэлл-стрит. Я видел, как ты заплатил за ее номер. Я видел, как ты дал ей денег на новое платье. Откуда у тебя столько денег, Джо? Я ведь никогда не спрашивал за все эти три года.

ДЖО (скорбно глядит на Тома, слегка раздраженный, не столько им, как собой, своим превосходством над ним и тем, как

устроен этот мир. Отчетливо, медленно, весомо). Постарайся понять, Том. Слушай внимательно. Если у кого-либо есть деньги, которые он копит или транжирит, можешь не сомневаться — он их украл у других. Не у богачей, у которых они в избытке, а у бедняков, у которых их мало. Украл эти деньги, он обокрал их жизнь, их мечты. Так и со мной. Те деньги, что я транжирую, я заработал. Но я их украл, как и всякий другой. Когда я их приобрел, эти деньги, я тем самым причинил кому-то ущерб, заставил его страдать. Бездельничая вот здесь у Ника, я все еще приобретаю деньги. Деньги сами по себе влекут к себе другие деньги. Значит, я все еще причиняю кому-то страдания. Я не знаю, кто он, не знаю, где он. А если бы знал, мне было бы еще горше, чем теперь. В этом мире, начисто лишенном совести, у меня совесть христианина. Мир пытается обрести нечто вроде общественной совести, но это длится что-то чертовски долго. Деньги у меня есть.. Они всегда у меня будут, пока мир останется таким, как ныне. Сейчас я не работаю. Я ничего не делаю. (Отпивает немного пива.) Я пью. Мальчишкой я работал. Работал как вол. Понимаешь, Том, как вол. Считается, что люди должны радоваться жизни. Я устал. (Поднимает револьвер и смотрит на него, пока говорит.) Я решил сквитаться с этим миром. Радоваться жизни можно, только работая. Только делая что-нибудь. Я ничего не делаю. Я не хочу больше что-либо делать. Все, что я умею делать,— постыдно. Потому что я не умею делать что-либо простое и доброе. У меня не хватает терпения. И я слишком самоуверен. Ни на чем другом в мире нет столько вины, как на деньгах. Они протухли насквозь. И не надоедай мне больше с ними никогда.

ТОМ. Я не хотел тебя огорчить, Джо.

ДЖО (медленно). Возьми вот револьвер и отдай на улице какому-нибудь достойному налетчику.

ЛЕДИ. Что он говорит?

ДЖЕНТЛЬМЕН (распрямляя ноги). Ты хотела посетить какой-нибудь кабачок. Ну вот, это и есть кабачок. (Взывая ко всему миру.) Замужняя, двадцативосьмилетняя женщина — и все еще ищет приключений.

ТОМ. А как я узнаю, что он налетчик?

ДЖО. Забери револьвер. Отдай кому хочешь.

ТОМ (в замешательстве). Кому хочу?

ДЖО. Конечно.

ТОМ. Можно я отдам его продавцу и получу обратно хоть часть наших денег?

ДЖО. Не будь таким делягой, Том. Поищи хорошенько, и если тебе покажется, что кому-то необходим револьвер, отдай ему. Револьвер ведь хороший?

ТОМ. Продавец сказал — хороший, но как мне узнать, кому нужен револьвер?

ДЖО. Неужто ты никогда не видел хороших людей, нуждающихся в оружии?

ТОМ. Не помню, Джо. А вдруг я отдам не тому, кому надо? А он сделает с ним что-нибудь скверное.

ДЖО. Ладно. Я сам найду кого-нибудь.

Том встает.

Вот тебе деньги. Пойди купи мне журналы за эту неделю — «Лайф», «Либерти» и «Тайм» — и пачек шесть или семь жевательной резинки.

ТОМ (быстро, чтобы все запомнить). «Лайф», «Либерти», «Тайм» и шесть или семь пачек жевательной резинки.

ДЖО. Правильно.

ТОМ. Так много резинки? Какого сорта?

ДЖО. Любого. Возьми разных сортов. Все сорта.

ТОМ. И лакричную?

ДЖО. Лакричную обязательно.

ТОМ. Ягодную?

ДЖО. Ягодную.

ТОМ. Фруктовую смесь?

ДЖО. А есть и такая?

ТОМ. По-моему, есть.

ДЖО. Хорошо. Фруктовую смесь — тоже. Купи резинку всех сортов. Всех, которые есть в продаже.

ТОМ. «Лайф», «Либерти», «Тайм» и жевательную резинку всех сортов. (Идет к двери.)

ДЖО (вслед ему, громко). Купишь еще обсахаренных бобов. Разного цвета.

ТОМ. Хорошо, Джо.

ДЖО. И сигары подлиннее. Шесть штук,

ТОМ. Сигары? Понял.

ДЖО. Дашь доллар какому-нибудь мальчишке-газетчику.

ТОМ. Ладно, Джо.

ДЖО. Какому-нибудь старику дашь доллар.

ТОМ. Ладно, Джо.

ДЖО. Дашь пару долларов этим молодчикам из Армии спасения и попросишь их спеть песню... как это она начинается?.. (Поет громко.) «...Пусть пылает огонь геенны, луч надежды в волны шлем...»

ТОМ (быстро). «...Пусть пылает огонь геенны, луч надежды в волны шлем...»

ДЖО. Верно. (Продолжает петь очень громко, набожно.) «...Моряку придаст он силы, мы спасем его, спасем...». (Обрывает песню.)

ТОМ. Хорошо, Джо, я все понял. «Лайф», Либерти», «Тайм», жевательную резинку всех сортов, что есть в продаже, обсахаренные бобы, шесть сигар, доллар мальчишке-газетчику, доллар старику, два доллара Армии спасения. (Уходя.) «...Пусть пылают огонь геенны, луч надежды в волны шлем...».

ДЖО. Верно.

ЛЕДИ. Он абсолютно безумен.

ДЖЕНТЛЬМЕН (утомленно поджимая ноги). Ты сама просила, чтобы я повел тебя в кабачок, а не в ресторан Марка Хопкинса. Вот ты и в кабачке. Я не виноват, что этот тип — сумасшедший. Может, пойдём обратно — туда, где нет сумасшедших?

ЛЕДИ. Нет, подождём ещё немного.

ДЖЕНТЛЬМЕН. Как хочешь. Не повторяй только мне ежеминутно, что он сумасшедший.

ЛЕДИ. Почему это тебя раздражает?

Джентльмен не находит нужным ответить, распрямляет ноги. Как только Джо начал петь, Кит Карсон отвернулся от игорного автомата и стал слушать. Пока джентльмен и леди препирались, он подошел к столику Джо.

КИТ КАРСОН. Пресвитерианец?

ДЖО. Я посещал воскресную пресвитерианскую школу.

КИТ КАРСОН. Любите петь?

ДЖО. Временами. Выпьете?

КИТ КАРСОН. Благодарствую.

ДЖО. Возьмите бокал и присаживайтесь.

Кит Карсон берет у Ника бокал, возвращается к столику, садится. Джо наливает ему, а они чокаются в то самое время, как Армия спасения, приступая к исполнению заказа, затягивает гимн. Джо и Кит пьют шампанское и в подходящий момент начинают вместе подпевать, перевирая мелодию и горланя. Леди из общества присоединяется к ним, но муж останавливает ее.

ДЖО. Всегда обожал эту песню. Пел ее, бывало, на самых верхах. Никогда в жизни не спас ни одного моряка.

КИТ КАРСОН (заигрывая с леди из общества, которой это нравится). Я спас однажды моряка. Вообще-то он, правда, был не совсем моряк. Он был негр по имени Уэллингтон. Здоровенный детина. Душевный был парень, но друзей не было — не с кем поговорить. По крайней мере пока я не приехал. В Нью-Орлеан. Летом восемьсот девяносто девятого года. Нет. Девяносто восьмого. Я был, конечно, порядком моложе, усов не носил, но многие считали меня человеком со средствами.

ДЖО. В оружии разбираетесь?

КИТ КАРСОН (с рисовкой). В каком угодно. Сражался как-то с индейцами из племени оджибуэев и бил без промаха. У озера Такалука в Мичигане. (Припоминая.) Году в восемьдесят первом или восемьдесят втором. Прижал их к берегу озера. Заставил переплыть в Канаду. Всех. Особенно одного — индеец по имени Гарри Дейзи.

ДЖО (открывая коробку, где лежит револьвер). Что скажете об этом револьвере? Хорош?

КИТ КАРСОН (взглянув на револьвер, вскакивает). Ничего. Неплохой кусочек стреляющего железа. Шестизарядный. Стрелял как-то в человека из шестизарядного револьвера. Прострелил ему ладонь правой руки. Поднял руку помахать приятелю. Думал, птица. По имени вроде Карроуэй. Ларримор Карроуэй.

ДЖО. Обращаться с ним умеете? (Протягивает Киту Карсону старый, внушительного размера револьвер.)

КИТ КАРСОН (смеется над нелепостью этого вопроса). Умею ли я с ним обращаться? Дай-ка мне, сынок, этот револьвер-ишко, и я тебе все о нем растолкую.

Джо передает ему револьвер.

(Значительно.) Так. Посмотрим. Наверно, новый выпуск. В мое время шестизарядные револьверы были не такие. Давненько не приходилось сражаться с индейцами. Вот эту штучку, должно быть, надо отодвинуть. (Изрядно повозившись, откидывает ствол.) Ну вот. Видите?

ДЖО. Все как следует?

КИТ КАРСОН. Хороший револьвер. Хороший у тебя револьвер, сынок. Сейчас я тебе все объясню. Видишь вот дырки? В них вкладываются патроны.

Джо (берет из коробки несколько патронов). Покажите, как это делается.

КИТ КАРСОН (немного раздраженно). Да чего тут показывать, сынок? Берешь и вставляешь друг за дружкой в дырки. Вот так. Один. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. Шестой. Затем ставишь на место ствол. Потом взводишь курок. А теперь останется только прицелиться и выстрелить. (Направляет револьвер в сторону леди и джентльмена).

Испуганно вскрикнув, те вскакивают с места, что заставляет и самого Кита Карсона замереть в страхе, хоть курок и не взведен.

ДЖО. И все?

КИТ КАРСОН. Готов для убийства.

ДЖО. Дайте-ка мне.

Кит Карсон отдает револьвер ДЖО. Леди и джентльмен в ужасе наблюдают за ним.

КИТ КАРСОН. Поосторожнее, сынок. Взводить курок не надо. С заряженным револьвером шутки плохи. Многие лишились глаза. Знавал я как-то, одного малого по имени Дэнни Доноуэн — носа лишился. Вся жизнь пошла прахом. Держи крепче. На спусковой крючок нажимай плавно, без рывка. А то промахнешься.

ДЖО. Спасибо. Интересно, смогу я его разрядить? (Начинает разряжать).

КИТ КАРСОН. Конечно, сможешь.

ДЖО (разрядив револьвер, внимательно на него смотрит. Кладет патроны в коробку. Не отводя глаз от револьвера). Я вам очень признателен. Мне давно хотелось поближе познакомиться с такого рода вещичкой. А он и в самом деле неплох.

КИТ КАРСОН. Револьвер что надо, сынок.

ДЖО (прицеливается в бутылку на стойке). Бац!

УИЛЛИ (у игорного автомата, который начинает издавать глухой урчащий звук). Господи! (Громко, торжествующе). Видали, Ник? А вы говорили, что мне его нипочем не обыграть. Смотрите!

В машине слышится шум. Зажигаются и гаснут лампочки, красные и зеленые. Шесть раз подряд громко звенит звоночек.

Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Над автоматом взлетает американский национальный флаг.

(Становится по стойке «смирно». Отдает честь.) Господи ты мой боже, до чего же у нас прекрасная страна!

Механическая шарманка внутри автомата громко играет мелодию песни «Америка». Джо, Кит Карсон и леди встают.

(Поет.) «О родина моя, свободная земля, тебя пою...».

Все затихает. Флажок опускается внутрь. Уилли дрожит от возбуждения, он изумлен и обрадован. Все со своих мест наблюдали за представлением, которое дал побежденный автомат.

(Переводит взгляд с одного на другого, словно все они были на стороне его соперника.) Ну вот! Что я говорил? Сказал — выиграю, и выиграл. Шесть пятицентовиков, Ник.

Ник отдает ему деньги.

(Подходит к Джо и Киту Карсону.) Пришлось повозиться немного, но все-таки добился своего. Научный подход. Немного умения — и можно обеспечить себе скромный достаток игрой в шарики на игорных автоматах. Сам-то я играю вовсе не из-за этого.

Не люблю просто, если кто-нибудь берет надо мной верх. Автомат или что другое. Я такой парень, что уж если что задумаю, то сделаю. Только так можно добиться успеха в любом деле. (Показывая на букву «F» у себя на свитере.) Видите эту букву? Думаете, она означает какой-нибудь там паршивенький колледж! Нет, она означает меня. Фарули. Уилли Фарули. Я ассириец. У нас цивилизация возникла веков, кажется, шесть или семь назад. Где-то там, в тех краях. Об Османе слышали? Хэролд Осман? Тоже ассириец. У него оркестр тут неподалеку, во Фресно. (Подходит к леди и джентльмену.) Я никогда раньше не встречался с вами, но, судя по вашему костюму и по вашей спутнице... (любезный жест в сторону леди) вы из тех, кто смело смотрит в лицо любым невздам, вступает с ними в борьбу и преодолевает их. Я и сам такой же. Вот так. (Обворожительно улыбнувшись, хватая джентльмена за рукав.) Ничего нет приятнее, как поболтать с хорошими людьми. Мы еще встретимся. Пока. (В высшей степени учтиво и серьезно.) До свиданья, леди. У вас очень милый муж. Хорошенько заботьтесь о нем. (Отсалютовав Джо и всему миру, уходит.)

КИТ КАРСОН (Джо). По чести говоря, не верилось мне, что этот юный ассириец добьется своего. В нем что-то есть, в этом малом.

Возвращается Том с журналами и прочими покупками.

ДЖО. Все купил?

ТОМ. Все. Обсахаренные бобы не так-то легко было отыскать.

ДЖО. Давай-ка на них посмотрим.

ТОМ. Вот они.

ДЖО (достаёт из целлофанового кулечка пригоршню обсахаренных бобов, смотрит на них, улыбается и бросает несколько штук себе в рот). Такие же, как и всегда. Возьмите. (Протягивает кулек Киту Карсону.)

КИТ КАРСОН (с рисовкой). Благодарствую. Помню, как впервые довелось есть обсахаренные бобы. Лет мне было шесть, от силы семь. Году это было, должно быть, в... (медленно) восемьсот... восемьсот... семьдесят седьмом. Семьдесят седьмом или семьдесят восьмом. В Балтиморе.

ДЖО. Бери, Том.

ТОМ (берет бобы). Спасибо, Джо.

ДЖО. Теперь поглядим на жевательную резинку. (Высыпает из кулечка на стол все пакетики с жевательной резинкой.)

КИТ КАРСОН (с рисовкой). Со мной был парнишка по имени Кларк. Куинтон Кларк. Стал сенатором.

ДЖО. Так. Вот и фруктовая смесь. (Открывает пакетик и кладет в рот все пять комочков жевательной резинки.) Давно мне хотелось проверить, сколько резинок я смогу жевать зараз. Знаешь что, Том. Бьюсь об заклад, что смогу жевать одновременно больше резинок, чем ты.

ТОМ (в восторге). Давай.

Оба набивают рты жевательной резинкой.

КИТ КАРСОН. Я судья. Только жевать все сразу. У вас сколько?

ДЖО. Шесть.

КИТ КАРСОН. Так. Теперь погодите, пусть Том нагонит вас.

ДЖО (пока Том нагоняет его). Дал доллар мальчишке-газетчику?

ТОМ. А как же.

ДЖО. Что он сказал?

ТОМ. Сказал «спасибо».

ДЖО. Какой он был из себя, этот мальчишка?

ТОМ. Низенький такой, темноволосый. Наверно, итальянец.

ДЖО. Как, по-твоему, он остался доволен?

ТОМ. Да.

ДЖО. Это хорошо. А старику дал доллар?

ТОМ. Дал.

ДЖО. Остался доволен?

ТОМ. Да.

ДЖО. Хорошо. Сколько у тебя во рту?

ТОМ. Шесть.

ДЖО. И у меня шесть. (Кладет в рот еще одну резинку.)

Том делает то же.

КИТ КАРСОН. По семи.

Джо и Том с очень серьезным видом кладут в рот еще по одной резинке.

По восьми. По девяти. По десяти.

ДЖО (восхищенный). Всегда мечтал этим заняться. (Берет один из журналов.) Ну-ка, посмотрим, что происходит в мире. (Листает страницы, не переставая класть в рот жевательную резинку и жуя.)

КИТ КАРСОН. По одиннадцати. По двенадцати.

Состязание продолжается, Кит Карсон по-прежнему оглашает счет. Несмотря на свое легкомысленное занятие, Том и Джо очень серьезны.

ТОМ. Джо, для чего ты велел Китти переселиться в гостиницу святого Франциска?

ДЖО. Китти в миллион раз лучше, чем любая из этих странствующих дамочек, которые околачиваются там в вестибюле.

ТОМ. Да, но, может, ей там будет не по себе, как ты думаешь?

ДЖО. Может быть, поначалу. А денька через два привыкнет. У нее большой удобный номер. Постель. Хорошие платья. Хорошее питание. Все обойдется, Том,

ТОМ. Надеюсь. А тебе не кажется, что она будет чувствовать себя очень одиноко? Поговорить-то ей там не с кем.

ДЖО (метнув на Тома быстрый взгляд, почти с восхищением, но строго). Ей нигде не с кем поговорить, кроме тебя.

ТОМ (с изумлением и радостью). Меня?

ДЖО (Том и Кит Карсон внимательно слушают его, Кит—с глубочайшим одобрением). Да, Том, тебя. Божьей милостью, ты являешься как бы второй половинкой этой девушки. Не той озлобленной женщины, что приходит сюда, в портовый кабачок, и голосит из-за того, что жизнь вышвырнула ее за борт. Быть ее придатком может каждый. А ты — вторая половинка той девочки из Огайо, которая мечтала когда-то о настоящей жизни. Ты ее неотъемлемая часть, необходимая ей вовсе не ради денег, не ради еды и крова. Она вся, целиком, нуждается в тебе. Я помог ей переселиться в ту гостиницу, чтобы дать ей возможность снова обрести себя. Всю себя, полностью. В гостинице «Нью-Йорк» ей бы это не удалось. Ты сам видел, каково ей там. Ей нигде не с кем поговорить, кроме тебя. Все остальные обращаются с ней так, что она чувствует себя проституткой. Если и дальше так будет, она уж и сама уверует в это и махнет на все рукой. Тогда у нее уже не будет даже воспоминаний. Ты говоришь, ей будет одиноко? Разумеется. Люди способны подвергать себя одиночеству даже ради страдания. Я хочу, чтобы она продолжала чувствовать себя одинокой, ради тебя. Одиночество поможет ей снова обрести самое себя — такую, какой она намеревалась стать вначале. Одиночество бывает полезным. Это единственное, что сейчас необходимо для Китти. Лакричной нет больше?

ТОМ (изумленный). Что? Лакричной? (Озабоченно оглядывается.) Лакричную мы вроде всю сжевали. У нас еще есть гвоздичная, мятная, ореховая и ягодная.

ДЖО. Я когда-то больше всего любил лакричную. Не беспокойся о Китти, Том. Все будет хорошо. Ты ведь в самом деле хочешь жениться на ней?

ТОМ (кивая). Честное слово, Джо.(Жалобно.) Только у меня нет денег.

ДЖО. А что если тебе стать профессиональным боксером или кем-нибудь в этом роде?

ТОМ. Не выйдет. Я бы не смог ударить человека, который мне ничего не сделал.

ДЖО. Подумай хорошенько, Том, чем бы ты мог заняться — так, чтобы это не было тебе очень уж противно.

ТОМ. Не знаю, Джо.

ДЖО (после напряженного раздумья, внезапно). А грузовик водить ты бы не отказался?

ТОМ (словно пораженный молнией). Как это мне раньше не приходило в голову, Джо? Вот было бы здорово! Разъезжать. Дороги. Городишки. Кофе с горячими лепешками. Красивые долины, горы, ручейки, деревья. Восход солнца и заход солнца.

ДЖО. А во всем этом и впрямь — поэзия.

ТОМ. Джо, это как раз то, что мне нужно. Сидеть себе за баранкой, и разъезжать повсюду, и смотреть по сторонам, и улыбаться, и смеяться. А Китти? Сможет она иногда поехать со мной?

ДЖО. Не знаю. Дай-ка мне телефонную книгу. А ты умеешь водить грузовики?

ТОМ. Ты ведь знаешь, Джо, не только грузовик — любую машину, были бы колеса да мотор. (Передает Джо телефонную книгу).

ДЖО (листает книгу). Вот он. Таксидо, семь-девять — два нуля. Держи монетку. Набери мне этот номер.

ТОМ (подходит к телефону, набирает номер). Алло!

ДЖО. Попроси мистера Кейта.

ТОМ (рот его набит жевательной резинкой). Можно попросить мистера Кейта? (Пауза.) Мистер Кейт?

ДЖО. Да вынь ты ее на минуту.

ТОМ (вынув изо рта резинку). Мистер Кейт?.. Да-да. Хорошо... Здравствуйте, мистер Кейт.

ДЖО. Скажи, чтобы не вешал трубку.

ТОМ. Не вешайте, пожалуйста, трубку.

ДЖО. Подай мне руку, Том.

Том помогает Джо подойти к телефону.

(Жевательную резинку осторожно держит в руке. В трубку.) Кейт?.. Это Джо... Да. Чудесно... Ладно, пустяки... (Пауза.) У тебя нет местечка для хорошего шофера?.. (Пауза.) Не думаю. (Тому.) Права у тебя есть?

ТОМ (встревоженный). Нет. Но я бы смог получить, Джо.

ДЖО (в трубку). Нет, но ему их будет нетрудно получить... К черту профсоюз. Потом вступит... Да назови его хоть вице-президентом и скажи, что он разъезжает для собственного удовольствия... Конечно... Как говоришь? Сегодня ночью? А почему бы нет?.. Сан-Диего?.. Поедет сперва без прав... Да какая разница, черт побери!.. Да. Конечно... Взглянешь на него?.. Да. Я его

сразу же к тебе и посылаю... Да, немедленно. (Вешает трубку. Аппарату.) Спасибо.

ТОМ. У меня будет работа?

ДЖО. Он хочет взглянуть на тебя.

ТОМ. Как я выгляжу, Джо? Ничего?

ДЖО (внимательно его оглядывая). Голову повыше. Выпяти грудь.

Том выполняет указания.

Как ты себя чувствуешь?

ТОМ. Чудесно.

ДЖО. И выглядишь ты чудесно. (Достает изо рта жвачку и заворачивает ее в журнал «Либерти».) Повезло тебе, Том. Теперь гляди в оба. (Откусывает кончик очень длинной сигары и закуривает, ее. Дает по сигаре Тому и Киту Карсону). Закуривайте. Держи вот еще. (Дает Тому еще две сигары.) Дай-ка этим голландцам по сигаре. (Показывает на леди и джентльмена.)

Том подходит и, не говоря ни слова, сует каждому из них по сигаре.

Джентльмен оскорблен; понюхав сигару, он отбрасывает ее прочь. Леди мгновение смотрит на сигару, затем подносит ее ко рту.

Джентльмен. Что ты делаешь?

Леди. А что, милый? Мне хочется.

Джентльмен. Ну, это уж слишком!

Леди. Но мне правда хочется, милый. Правда. (Смеется, берет сигару в рот. Поворачивается к Киту Карсону. Тот откусывает и сплевывает кончик. Она делает то же самое.)

Джентльмен (громко). Мать пятерых взрослых детей — и все еще ищет романтики! (Кричит на нее, в то время как Кит Карсон дает ей прикурить.) Не смей! Я запрещаю!

ДЖО (кричит). Что это с вами? Оставьте ее в покое! Чего вы ее все время шпыняете? (Почти без паузы.) Теперь слушай, Том.

Леди начинает курить, чувствуя себя превосходно.

Вот тебе десять долларов.

ТОМ. Десять долларов?

ДЖО. Может случиться, что он отправит тебя в рейс сегодня же ночью. В Сан-Диего.

ТОМ. Джо, мне надо сообщить Китти.

ДЖО. Я сам сообщу ей.

ТОМ. Позаботься о ней, Джо.

ДЖО. Все будет хорошо. Не беспокойся о ней. Она в гостинице святого Франциска. Слушай внимательно. Возьми такси и езжай на угол Таунсенд и Четвертой. Увидишь большую вывеску: «Автотранспортная компания Кейта». Он ждет тебя.

ТОМ. Хорошо, Джо. (Переполненный благодарностью.)
Спасибо тебе, Джо.

ДЖО. Чепуха. Ступай.

Том уходит. Леди дымит сигарой. Входят Уэсли и ГАРРИ.

НИК. Куда вы запропали, черт побери? Должны же мы развлекать посетителей. Видали, какие у нас шикарные гости? (Показывает на леди и джентльмена.)

УЭСЛИ. Вы нам сказали, чтоб мы вернулись к десяти, для второго представления.

НИК. Я так сказал?

УЭСЛИ. Да, сэр, мистер Ник, так и сказали.

ГАРРИ. А как, по-вашему, прошло первое? Недурно?

НИК. А первое вовсе не было представлением. Пивная ведь была пуста. Какое же это представление, если не для кого представлять. Люди побаиваются заглядывать сюда, на набережную.

ГАРРИ. Ага. Мы были только что у двадцать седьмого пирса и видели, как докер схватился с полицейским и тот треснул его по голове дубинкой. Правда, Уэсли?

УЭСЛИ. Да, сэр, мы стояли там и видели, как все это произошло.

НИК (слегка встревоженный). А больше ничего не произошло?

УЭСЛИ. Нет, потом они все только разговаривали.

ГАРРИ. А потом подъехала какая-то большая машина, и оттуда высунулся человек и сказал, что сейчас начнется собрание и что они надеются достичь соглашения и покончить с забастовкой.

УЭСЛИ. Прямо сейчас же. Вечером.

НИК. Самое время. А то эти бедняги полицейские могут разнервничаться и начать стрелять в людей. (Гарри, внезапно.) Поди-ка сюда. Останешься тут пока вместо меня за стойкой. Я схожу прогуляюсь к пирсу.

ГАРРИ. Хорошо, сэр.

НИК (леди и джентльмену). Ну как, надумали что-нибудь?

ЛЕДИ. Шампанское у вас есть?

НИК (показывая на Джо). А что, по-вашему, у него там в бутылке, вода, что ли?

ЛЕДИ. Не найдется ли у вас охлажденной бутылочки?

НИК. Целая дюжина охлажденных. Вот уже месяц, как он днями и ночами хлещет у меня здесь шампанское.

ЛЕДИ. Можно одну бутылку?

НИК. Шесть долларов. Цена без запроса.

ЛЕДИ. Раз так надо — извольте.

ДЖЕНТЛЬМЕН. А я не знаю, надо ли. Уверен, что не надо.

Ник снимает свою куртку и помогает Гарри надеть ее. Гарри, пританцовывая, подает леди и джентльмену бутылку шампанского и два бокала и, взяв шесть долларов, так же пританцовывая, идет за стойку. Ник берет пальто и шляпу.

НИК (Уэсли). Побарабань немножко по клавишам, сынок.

УЭСЛИ. Хорошо, сэр, мистер Ник.

Ник идет к двери. Входит Араб.

НИК. Здорово, Мухаммед.

АРАБ. Нет устоев.

НИК. Все идет прахом. (Уходит.)

Уэсли негромко играет на пианино. Араб выпирает кружку пива, достает гармонику и начинает играть. Уэсли вторит Мелодии Араба.

Непривычно красивая, в новом платье, входит Китти Дюваль. Двигается она робко, словно роскошный наряд стесняет ее и она чувствует себя не вправе носить его. На леди и джентльмена она производит заметное впечатление. Гарри смотрит на нее с изумлением. Джо углубился в журнал «Тайм». Китти подходит к его столику.

ДЖО (без малейшего удивления поднимает на нее взгляд).

Здравствуйте, Китти.

КИТТИ. Здравствуйте, Джо.

ДЖО. Мне очень приятно снова вас видеть.

КИТТИ. Я приехала в такси.

ДЖО. Вы опять плакали?

Китти не в силах ответить.

(ГАРРИ.) Принеси бокал.

Гарри приносит бокал. Джо наливает Китти шампанское.

КИТТИ. Мне надо поговорить с вами.

ДЖО. Выпейте.

КИТТИ. Никогда я не была эстрадной артисткой. Я из очень бедной семьи.

ДЖО. Присядьте, Китти.

КИТТИ (садится). Я пыталась найти работу, но только не артисткой.

ДЖО. За вас, Катерина Корановска. За вас и за Тома.

КИТТИ (со скорбью). А где Том?

ДЖО. Он поступил на работу. Будет водить грузовик. Только что отправился в первую поездку. Дня через два вернется.

КИТТИ (грустно). Я сказала ему, что выйду за него замуж.

ДЖО. Ему хотелось повидать вас, Китти, и попрощаться.

КИТТИ. Он очень хороший человек. Слишком для меня хороший. Он совсем как мальчик. (Устало.) А я... Через что только мне не довелось пройти.

ДЖО. Китти Дюваль, мне редко доводилось встречать такого воистину чистого человека, как вы. Через два дня он вернется. Возвращайтесь в гостиницу и ждите его.

КИТТИ. Об этом-то я и хочу сказать: я не могу вынести одиночество. Я скверная. Я стараюсь, я очень стараюсь. Сама не знаю, в чем тут дело. Мне чего-то не хватает...

ДЖО (участливо). Вы в самом деле хотите сюда вернуться, Китти?

КИТТИ. Не знаю. Не пойму. Там все даже пахнет по-иному. Мне непонятно, что я должна чувствовать, что думать. (С беспомощным жестом.) Я знаю только, что я там чужая. Это то самое, к чему я стремилась всю жизнь, но теперь слишком поздно. Я стараюсь чувствовать себя счастливой, а вместо этого вспоминаю все, что было, и плачу.

ДЖО. Не знаю, что сказать вам, Китти. Мне не хотелось сделать вам больно.

КИТТИ. Вы не сделали мне больно. Вы единственный из всех, кого я встречала в жизни, кто был добр ко мне. Я уже не уверена, есть ли на свете любовь, но знаю, что люблю вас, знаю, что люблю Тома.

ДЖО. И я вас люблю, Китти Дюваль.

КИТТИ. Ему захочется иметь детей. Знаю, захочется. И знаю, что мне тоже захочется. Конечно, захочется. А я не смогу... (Качает головой.)

ДЖО. Том сам ребенок. Вы будете с ним очень счастливы. Он хочет, чтобы вы ездили с ним вместе на машине. Том будто создан для вас. Вы созданы для Тома.

КИТТИ (по-детски). Значит, вы хотите, чтобы я вернулась обратно и ждала его?

ДЖО. Указывать и вам не могу. Но мне все же кажется, это было бы неплохо.

КИТТИ. Если б вы только знали, как мне скверно одной. Чуть ли не хуже, чем прежде.

ДЖО. Быть может, это продлится целую неделю, Китти. (Быстро взглянув на нее, осененный внезапной мыслью.) Вы, кажется, говорили, что хотели бы почитать что-нибудь? Стихи, да?

КИТТИ. Я сама не знала, что говорю.

ДЖО (пытаясь встать). Нет, знали. Знали. Вам понравятся стихи, вот увидите. Подождите меня здесь минутку, Китти. Пойду посмотрю, может, удастся найти вам что-нибудь.

КИТТИ. Хорошо, Джо.

Джо выходит из пивной, изо всех сил стараясь не хромать. Сирена. Музыка. Входит мальчик-газетчик. Ищет ДЖО. Глубоко расстроен, что его нет.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК (джентльмену). Газету?

Джентльмен (со злостью). Нет.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК (подходит к Арабу). Газету, мистер?

АРАБ (с раздражением). Нет устоев.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК. Что?

АРАБ (очень зло). Нет устоев.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК (идет к двери, оборачивается, смотрит на Араба, качает головой). Нет устоев? Что вы этим хотите сказать?

Входят Блик и двое полицейских.

(Блику.) Газету, мистер?

Блик отталкивает его. Мальчик-газетчик уходит.

БЛИК (расхаживает по пивной с видом человека, облеченного властью. Гарри). Где Ник?

ГАРРИ. Пошел прогуляться.

БЛИК. А ты кто?

ГАРРИ. Гарри.

БЛИК (Арабу и Уэсли). Эй, вы! Прекратите!

Араб и Уэсли перестают играть.

(Пристально смотрит на КИТТИ.) Тебя как зовут, сестричка?

КИТТИ (глядя на него). Китти Дюваль. А вам зачем? (В голосе у нее теперь снова, как и в начале пьесы, вызов, независимость, горечь и резкость.)

БЛИК (злобно). Попридержи язычок, сука. Отвечай только на мои вопросы.

КИТТИ. Поди ты к...

БЛИК (подойдя к ней, взбешенный). Где живешь?

КИТТИ. Гостиница «Нью-Йорк», номер двадцать первый.

БЛИК. Где работаешь?

КИТТИ. Сейчас нигде. Ищу работу.

БЛИК. Какую работу?

Китти не в силах ответить.

Какую работу.

Китти молчит.

(Яростно.) Какую работу?!

КИТ КАРСОН (подойдя). Как вы смее в моем присутствии так разговаривать с женщиной?

Блик поворачивается и в упор смотрит на Кита Карсона. Полицейские, стоявшие у стойки, двинулись к ним.

БЛИК (полицейским). Ничего, ничего, ребята. Я сам улажу это дельце. (Киту Карсону.) Ты что сказал?

КИТ КАРСОН. Вы не имеете права оскорблять людей. Кто вы такой?

Не говоря ни слова, Блик хватает Кита Карсона и тащит его на улицу. Звуки ударов. Стон. Блик возвращается, тяжело отдуваясь.

БЛИК (полицейским). Все в порядке, ребята. Теперь можете идти. Позаботьтесь о нем. Поставьте его на ноги и растолкуйте, как следует вести себя в дальнейшем. (Снова КИТТИ.) А теперь отвечай. Какую работу?

КИТТИ (спокойно). Я шлюха, и ты отлично знаешь, падаль, какая у меня работа. А я знаю, какая у тебя.

Джентльмен (с искренним возмущением). Простите, начальник, но мне кажется, что вы своей грубостью...

БЛИК. Молчать.

Джентльмен (тихо). ...понуждаете это бедное дитя возводить на себя напраслину.

БЛИК. Молчать, я сказал.

Леди (джентльмену). Неужели ты снесешь эту наглость?

БЛИК (джентльмену, вставшему с места). Снесете?

Джентльмен (беря леди под руку). Я потребую развода. Я начну жизнь сначала. (Подталкивая жену.) Пойдем. Пойдем отсюда поскорее.

Джентльмен поспешно выводит леди из пивной.

БЛИК (провожает их взглядом). Так-так. Начнем снова, и попробуй у меня только соврать. Имя?

КИТТИ. Китти Дюваль.

БЛИК. Где проживаешь?

КИТТИ. До сегодняшнего вечера я жила в гостинице «Нью-Йорк». В двадцать первом номере. Теперь живу в гостинице святого Франциска.

БЛИК. О! В гостинице святого Франциска? Милое местечко. Где работаешь?

КИТТИ. Ищу работу.

БЛИК. Какая у тебя работа?

КИТТИ. Я актриса.

БЛИК. Вижу. Напомни: в каких картинах играла?

КИТТИ. Я работала на эстраде.

БЛИК. Врешь!

Уэсли встает с места, встревоженный и полный немой ярости.

КИТТИ (жалобно, как в начале пьесы). Нет, это правда.

БЛИК. Что ты здесь делаешь?

КИТТИ. Я пришла узнать, не смогу ли здесь получить работу.

БЛИК. Какую работу?

КИТТИ. Петть... и... танцевать.

БЛИК. Ты не умеешь ни петть, ни танцевать. Для чего ты врешь?

КИТТИ. Умею. Я пела и танцевала в эстрадных концертах по всей стране.

БЛИК. Врешь.

КИТТИ. И стихи читала.

БЛИК. Значит, ты танцевала на эстраде?

КИТТИ. Да.

БЛИК. Прекрасно. Покажи нам какой-нибудь эстрадный номерок, а мы посмотрим.

КИТТИ. Я не могу. Здесь нет музыки. И я не так одета.

БЛИК. Музыка есть. (УЭСЛИ.) Опустит монетку в проигрыватель.

Уэсли недвижим.

Ну! Опустит монету.

Уэсли опускает монету.

(КИТТИ.) Ну вот. Подымайся на сцену и изобрази нам чего-нибудь этакое...

Китти встает. Медленно идет к сцене. Входит Джо с книгами в руках.

Валяй начинай. Станцуй нам какой-нибудь номерок из тех, что ты исполняла по всей стране.

Китти пытается исполнить эстрадный танец. В нем есть что-то трагическое и по-своему прекрасное.

Хорошо. Хорошо. Что ж ты не раздеваешься? Снимай одежонку.

Китти снимает шляпку и начинает снимать жакет.

ДЖО (изумленный, поспешно подходит к сцене). Уходите оттуда. (Помогает ей сойти вниз. Она плачет, прижавшись к нему. Блику.) Что это вы тут делаете, черт побери?

УЭСЛИ (словно маленький мальчик, дрожа от злости). Это все он, Блик! Это он заставил ее снимать платье. И старика он избил.

Блик хватает Уэсли и тащит его на кухню. Входит ТОМ. Блик начинает избивать Уэсли.

ТОМ. В чем дело, Джо? Что здесь случилось?

ДЖО. Ты на машине?

ТОМ. Да, но что случилось? Китти снова плачет!

ДЖО. Ты едешь в Сан-Диего?

ТОМ. Да, Джо. Но что он там делает с этим бедным негр-тенком?

ДЖО. Отправляйся. Вот тебе деньги. Я все улажу. (КИТТИ.) Оденетесь в машине. Возьмите эти книги.

Голос УЭСЛИ. Не смейте меня бить! Не смейте! Вы еще получите свое! Подождите только!

ТОМ. Джо, он искалечит этого мальчугана. Я убью его!

ДЖО (выталкивая Тома). Убирайся отсюда! В Сан-Диего женитесь. Когда вернетесь, увидимся.

Том и Китти уходят. Входит Ник и останавливается у ближнего конца стойки.

(Вынимает из кармана револьвер. Смотрит на него.) Давно мне хотелось кого-нибудь убить, не знал только кого. (Взводит курок. Стоит, выпрямившись и крепко сжимая револьвер. Держа его перед собой, идет к двери кухни. Останавливается на мгновение, ищет глазами Блика, тщательно прицеливается и нажимает спусковой крючок. Выстрела нет.)

НИК (подбегает к нему, выхватывает револьвер и оттаскивает Джо в сторону). Вы что, спятили?

ДЖО (небрежно, но сердито). Экий болван! Покупает шестизарядный револьвер, который не может дать ни одного выстрела. (Садится, безучастный ко всему на свете.)

Из кухни выходит запыхавшийся БЛИК.

НИК (глядя на Блика, медленно). Блик! Я ведь сказал вам, чтоб вы сюда не являлись. Убирайтесь отсюда! (Берет его за шиворот и тащит к двери.) Если вы когда-нибудь еще вздумаете заглянуть сюда, я отведу вас в ту комнату, где вы избивали этого негр-тенка, и убью. Медленно задушу, собственными руками. Вон отсюда! (Вышвыривает Блика на улицу. ГАРРИ.) Пойди позаботься об этом негр-тенке.

Гарри убегает на кухню.

Где-то вдалеке слышен револьверный выстрел, вслед за ним еще один. Ник выбегает на улицу.

Входит мальчик-газетчик, идет к столику ДЖО. Чувствует, что что-то неладно.

МАЛЬЧИК-ГАЗЕТЧИК (тихо). Газету, мистер?

Джо не слышит его. Мальчик отходит от Джо, приглядывается к нему, полный желания развлечь его чем-нибудь. Подходит к проигрывателю и опускает монету, надеясь, что музыка, быть может, взбодрит немного Джо.

Мальчик садится. Смотрит на Джо. Слышны звуки вальса «Миссури».

Входит пьяница и, пройдясь по пивной, усаживается за столик. Возвращается НИК.

НИК (в восторге). Джо, Блика убили! Его кто-то подстрелил только что, а полицейские даже и не пытаются выяснить кто.

Джо не слышит.

(Отступает назад, глядя на ДЖО. Кричит.) Джо!

ДЖО (поднимая глаза). А?

НИК. Блика убили.

ДЖО. Блика? Убили? Чудесно. А то этот чертов револьвер так бы и не выстрелил. Говорил же я Тому купить получше.

НИК (беря револьвер и глядя на него). Вы ведь тоже хотели убить его, Джо!

Выходит из кухни ГАРРИ. Джо забирает у Ника револьвер и кладет в карман пиджака.

Я ставлю вам бутылку шампанского! (Идет к стойке.)

Джо встает, снимает с вешалки шляпу, берет пальто. Мальчик-газетчик вскакивает, помогает Джо надеть пальто.

НИК. В чем дело, Джо?

ДЖО. Ни в чем. Ни в чем.

НИК. Как насчет шампанского?

ДЖО. Спасибо. (Идет.)

НИК. Еще нет одиннадцати. Куда вы идете, Джо?

ДЖО. Не знаю. Никуда.

НИК. Завтра увидимся?

ДЖО. Не знаю. Вряд ли.

Входит Кит Карсон, идет к ДЖО. Джо и Кит Карсон понимающе смотрят друг на друга.

ДЖО. Только что кто-то убил человека. Как вы себя чувствуете?

КИТ КАРСОН. Никогда в жизни не чувствовал себя лучше. (Громко, хвастливо, но мрачно.) Мне как-то довелось убить человека. В Сан-Франциско. Выпустил в него две пули. Году вроде в тридцать девятом. По имени Блик, или Глик, или что-то в этом роде. Не стерпел его манеры обращаться с женщинами. Пошел к себе, взял свой старый револьвер с перламутровой ручкой и стал поджидать его на Пасифик-стрит. Вижу — идет. Пальнул в него разок, потом другой. Хороший был револьвер — пришлось в океан выбросить.

Гарри, Ник, Араб и пьяница сгрудились около Кита Карсона. Джо достает из кармана револьвер, дает его Киту Карсону, с любовью и восхищением смотрит на него. Медленно подходит к ступенькам, ведущим на улицу, поворачивается и машет рукой. Кит Карсон и — один за другим — все остальные машут ему в ответ. Игорный автомат

снова начинает свое восхитительное, привычно патриотическое представление. Пьеса заканчивается..